

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

**СБОРНИК ТЕЗИСОВ
УЧАСТНИКОВ МЕЖВУЗОВСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

25 - 30 МАЯ 2016 ГОДА

**Москва
2016**

ББК 88.47

С 23

Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (25-30 мая 2016 года). – М.: МГППУ, 2016. – 150 с.

Редакционная коллегия:

В.В. Рубцов, Е.Н. Задорина, Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов, Н.В. Богданович, М.Г. Дебольский, И.Н. Коноплева

ISBN 978-5-94051-145-9

© МГППУ, 2016.

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вашему вниманию материалы 6-й Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, ежегодно проводимой факультетом юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета.

Интернет-конференция направлена на обсуждение актуальных проблем юридической психологии, анализ теоретических и практических подходов к их решению. Актуальными в данном году оказались следующие темы: особенности юридических профессий (сотрудников правоохранительных органов, сотрудники исполнительной системы в частности), психологические аспекты девиантного, виктимного и криминального поведения подростков, взрослых, а также групп, особое внимание уделяется работе с лицами с аномальным сексуальным поведением, а также с осужденными (в том числе женщин), рассматриваются такие проблемы как влияние на поведение индивида криминальной субкультуры, особенности манипулятивного и виктимного поведения в Интернете и т.д. Большое значение уделяется нормосообразному поведению, в том числе влиянию разводов, телесного контакта и т.д.

В конференции приняли участие молодые исследователи из различных учебных заведений России: Московский государственный психолого-педагогический университет, Башкирский государственный университет, Барановичский Государственный Университет, Челябинский государственный университет.

Материалы конференции будут интересны студентам, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области юридической психологии.

Н.В. Дворянчиков

Особенности чувства вины у женщин, отбывающих наказание за преступления против жизни и здоровья

Алексюнайте Л.В., студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва

Научный руководитель – О.А. Русаковская

Понятие вины трактуется в разных гуманитарных науках по-разному. В общем смысле его можно толковать как субъективную или общественную характеристику, которая определяет наличие у человека ответственности за тот или иной совершенный поступок. Возникновение вины зависит как от моральных установок, существующих в обществе, так и от индивидуально-психологических особенностей конкретной личности. Чувство вины является составляющей мотивационно-смысловой сферы личности, формируясь в онтогенезе и влияя на дальнейшее формирование и поведение человека (Валюнас В.К., 1984).

В пенитенциарной психологии раскаяние за совершенное преступление рассматривается как один из важнейших факторов исправления, ресоциализации и профилактики совершения повторных правонарушений, а формирование чувства вины и раскаяния является одной из мишеней психологической коррекционной работы с осужденными преступниками (Ениколопов С.Е., 2009).

В то же время исследований, посвященных изучению клинико-психологических особенностей чувства вины у женщин, осужденных за различные преступления, до настоящего времени не проводилось, что определяет актуальность настоящего экспериментального исследования. Для изучения была выбрана группа женщин из 20 человек в возрасте от 20 до 50 лет, осужденных за преступления против жизни и здоровья по ст.105-125 УК РФ (критерий исключения: ст.106 УК РФ «Детоубийство»), т.к. именно они

являются одними из самых серьезных ООД. (Уголовный кодекс РФ, 2015)
Выбранная возрастная категория объясняется тем, что почти все преступления приходится на этот возрастной период, когда индивид является частью экономически активного населения. Контрольными данными для сравнительного анализа стали результаты исследования в популяции среди женщин И.А. Белик (Белик И.А., 2006). В работе применялись следующие методики:

- диагностика состояния агрессии Басса-Пери (модификация С. Ениколопова);
 - шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина;
 - авторская анкета М.Г. Дебольского;
 - «опросник вины» (Guilt Inventory), К. Куглер, У. Х. Джонс 1991. Тест переведен и адаптирован И. М. Белик; (Kugler K., Jones W.H., 1992)
 - тест самоотношения В.В. Столина-С.Р. Пантилеева.

Так, согласно результатам исследования показатели, иллюстрирующие чувство вины у исследуемых женщин находятся почти на уровне с нормальными показателями в популяции. Это свидетельствует о том, что женщины, отбывающие наказания за преступления против жизни и здоровья редко испытывают чувство вины за совершенное преступное деяние. В процессе исследования была выделена подгруппа испытуемых с высокими показателями по шкалам, иллюстрирующих вину и высоким уровнем агрессивности, враждебности и раздражительности. При построении коррекционной работы с группой осужденных женщин, обнаруживающих патохарактерологические особенности, характерные для лиц с расстройством личности возбудимого круга, чувство вины может быть одним из важных факторов исправления, ресоциализации и профилактики совершения повторных правонарушений, чего нельзя сказать об основной массе осужденных женщин.

В то же время исследование американского экономиста Д. Хекмана

показывает, что программы, направленные на коррекцию поведения взрослых людей, в частности программы реабилитации заключенных и образовательные программы для взрослых, живущих в неблагоприятных условиях, не слишком эффективны. (Александров Д.А., 2015) По мнению автора, профилактика правонарушений станет наиболее эффективна, если будет проводиться не с лицами, отбывающими наказание за совершенное преступление, а, в целом, переориентируется на повышение качества жизни детей, живущих в неблагоприятных условиях, — чем в более ранний период детства будут сделаны эти инвестиции, тем эффективнее будет их финансовая и социальная отдача через 30-40 лет.

Список использованной литературы:

1. УК РФ, «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ /ред. от 30.03.2015, с изм. от 07.04.2015
2. Александров Д. А., Иванюшина В. А. , Маслинский К. А. Бедность и развитие ребенка / Д. А.Александров, В. А. Иванюшина, К. А. Маслинский. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2015. — 392 с.
3. Белик И.А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности / автореферат дис. кан. псих.наук/ И.А. Белик, Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург : 2006. — 2с.
4. Ениколопов, С.Е., Макогон, И.К. Моральные ценности и регуляция поведения / С.Е. Ениколопов, И.К. Макогон. Москва, 2009.
5. Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. — Москва : Издательство Московского университета, 1984. — 288 с.
6. Kugler K., Jones, W. H. (1992). On conceptualizing and assessing guilt. *JournalofPersonalityandSocialPsychology*, 1992. — 318-327с.

Особенности теста «DIT 2» для изучения ценностно-смысловой сферы и морального сознания подростков

Алмаева Е.А., студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва

Научный руководитель – В.В. Делибалт

В настоящий момент пристального изучения требуют особенности ценностно-смысловой сферы и морального сознания подростков, определяющие уникальность и своеобразие их личностей. Возможно, понимание специфики развития данных сфер в подростковом возрасте позволит составлять вероятностные прогнозы развития человека, его поведение на последующих этапах становления, более целенаправленно и результативно проводить психологическую работу и, при необходимости, корректировать имеющиеся девиантные проявления.

Большинство авторов определяют моральное сознание как форму общественного сознания, представляющего собой систему взглядов, суждений и мнений о поведении, соответствующем социальным требованиям. В свою очередь, ценностно-смысловые ориентации — это система личностных установок по отношению к существующим материальным и духовным ценностям. По мнению А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова, ценностные ориентации регулируют поведение как «осознанное действие» человека в определенных социальных ситуациях (Серый А. В., Яницкий М. С., 1999). Ценностные ориентации и уровень морального сознания обуславливают направленность поведения личности, выбор действий в соответствии с идеями и идеалами, которым следует человек. Поэтому задача психолога, воспитателя, учителя состоит в направлении развития личности на приобретение и выработку социально адаптированных жизненных принципов.

Целью работы является анализ особенностей ценностно-смысловой сферы и морального сознания личности подростка.

Одной из задач нашего исследования были перевод и апробирование американской методики DIT2 (Defining issues test), разработанной Дж. Рестом и являющейся альтернативой методики «Опросник моральных суждений» (MJT). В основе теста DIT2 лежит когнитивная теория развития морального сознания Л. Колберга. Данный тест схож с методикой оценки уровня развития морального сознания (Дилеммы Л. Колберга) в том, что испытуемому требуется рассмотреть ряд дилемм, после чего ответить на вопросы, связанные с их проблематикой.

Уникальность методики DIT2 состоит в том, что испытуемому дается задание проранжировать по степени значимости, относящиеся к каждой из дилемм 12 вопросов. По мнению автора, данная форма не определяет действия человека в представленных ситуациях, тем самым минимизирует проявление социальной желательности. На основании анализа ранжирования можно сделать вывод о существующей у личности иерархии предпочитаемых схем поведения в ситуациях морального выбора, которые можно разделить на три группы: 1) ориентация на собственные интересы 2) соблюдение моральных правил и норм 3) приоритет внутренних моральных принципов (Подольский Д. А., 2005). На основе результатов методики можно судить о вариантах поведения человека, находящихся в его зоне ближайшего развития. Респондент отмечает наиболее важные для него в предложенной ситуации вопросы и наименее его интересующие (Narvaez D., Vock T., 2002).

В нашем исследовании тест DIT2 был основой для проведения формирующего эксперимента, в котором принимали участие подростки с девиантным поведением. Целью данной программы было повышение уровня морального сознания, развитие системы ценностей, связанной с негедонистическими устремлениями и с ориентацией на окружающих. Задачи включали в себя понимание разносторонности и многогранности ситуации, развитие чувства сопереживания, умения ставить себя на место

другого человека, умения брать ответственность на себя, повышение сплочённости группы, осознание себя как части коллектива, развитие чувства справедливости, ответственности.

Программа занятий включала в себя тренинговые упражнения, подготавливающие подростков к анализу дилеммы, и одну из проблемных ситуаций. Данная программа была рассчитана на пять встреч по количеству дилемм теста DIT2 длительностью от часа до часа и 15 минут. В конце каждого занятия подросткам с девиантным поведением рассказывалась ситуация, и затем обсуждались вопросы со всей группой, при этом ставился акцент на положительные стороны ответа, соответствующего законам и моральным принципам общества.

В результате проведения формирующего эксперимента подростки с девиантным поведением стали больше ориентироваться на общение, взаимоотношения с другими людьми, понимать важность проявления милосердия к окружающим.

Список использованной литературы:

1. Подольский, Д. А. Современные методы исследования морального развития // Психология и школа. — 2005. — № 1. — С. 100-127.
2. Серый, А. В., Яницкий, М. С. Ценностно-смысловая сфера личности: Учебное пособие / А. В. Серый., М. С. Яницкий. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. — 92 с.
3. Narvaez, D., Bock, T. Moral schemas and tacit judgment or how to defining issues test issupported by cognitive science // J. of Moral Education. 2002. Vol. 32. # 3. P. 297-314.

Особенности восприятия развода в родительской семье и отношение к родителям и к себе у девушек периода ранней взрослости

Амелина Е.С., студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – С.А.Терехина

Семья — один из важнейших факторов, влияющих на жизнь человека. Формирование ребёнка как личности, опыт взаимодействия с окружающими, отношение к себе — всё это берёт своё начало в родительской семье. Именно родительская семья является наиболее благоприятной средой для социализации ребёнка, приобщения его к миру человеческих отношений.

В настоящее время институт семьи подвержен значительной трансформации. Одна из серьёзных проблем современной семьи — высокий риск развода, что является общемировой тенденцией. По данным Демографического ежегодника Организации Объединённых Наций Россия занимает одну из лидирующих позиций в списке стран с самыми высокими показателями разводов. Разрушение семейной системы зачастую сопровождается серьёзными эмоциональными переживаниями всех членов семьи, способными оказать существенное влияние на всю их последующую жизнь.

Большинство современных исследователей считают развод крайне травматичным событием в жизни ребёнка и выделяют большое число возможных негативных его последствий как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, среди них: замедление темпов психического развития ребёнка и временное возвращение на уже пройденные ранее этапы (О. Г. Кулиш, А. С. Спиваковская и др.), нарушения адаптации (R. E. Emery, P. R. Amato, B. Keith), формирование негативных черт характера (Н. А. Круглова, Е. Г. Якушенко и др.), возникновение внешних и внутренних конфликтов (М. М. Безруки, Д. Видра, А. Грин и др.), трудности полоролевой

идентификации (А. И. Захаров, Г. Фигдор и др.), проблемы детско-родительских отношений (О. В. Некрасова, А. С. Спиваковская и др.). Перечисленные последствия могут наблюдаться как в течение непродолжительных промежутков времени (во время разводного периода и непосредственно после него), так и спустя годы и даже десятилетия (J. S. Wallerstein, 2004).

Основная часть исследований, касающихся влияния разводной ситуации на различные аспекты жизни несовершеннолетних, была проведена преимущественно за рубежом и заключалась в сравнительном анализе групп детей и подростков из разведённых и полных семей. В то же время работы, посвящённые изучению субъективных представлений о разводе взрослых людей, в детстве переживших распад родительской семьи, относительно немногочисленны (Ипполитова Е. А., 2010, Клементьева М. В., 2014). Особенно актуальным изучение вопросов, связанных с опытом переживания ситуации развода в родительской семье, на наш взгляд, представляется у лиц молодого возраста, которые могут столкнуться с проблемами при установлении партнёрских отношений и создании собственной семьи. Таким образом, актуальность исследования связана с необходимостью изучения у девушек особенностей их «внутренней картины развода» в родительской семье, включая её динамические аспекты, систему детско-родительских отношений и характер их отношения к себе.

Целью нашего исследования выступало изучение особенностей «внутренней картины развода» в родительской семье, а также характера отношения к себе и к родителям у девушек периода ранней взрослости.

Под «внутренней картиной развода» девушек в нашем исследовании мы понимали их систему представлений о продолжительности ситуации развода в родительской семье, динамике супружеских и детско-родительских отношений на всем протяжении разводной ситуации, о возможных причинах развода, а также субъективную оценку значимости развода для самой девушки и ее дальнейшей жизни.

В качестве задач исследования выступали:

Анализ проблемы восприятия ситуации развода в семье родителей девушками периода ранней взрослости (по литературным данным).

Выделение особенностей «внутренней картины развода» у девушек периода ранней взрослости из разведенных семей.

Выявление специфических черт восприятия своего отношения к родителям у девушек периода ранней взрослости из разведенных семей

Выделение характеристик восприятия отношения к ним со стороны родителей у девушек периода ранней взрослости из разведенных семей.

Определение особенностей отношения к себе у девушек периода ранней взрослости из разведенных семей.

В качестве основной экспериментальной группы выступили 45 девушек в возрасте 21-23 лет из разведённых родительских семей, средний возраст 21.5 года. Группу сравнения составили 30 девушек в возрасте 21-23 лет из полных родительских семей, средний возраст 21.9 года.

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Полуструктурированное интервью — для выявления особенностей «внутренней картины развода» у девушек периода ранней взрослости из разведённых семей.

2. Проективная методика «Семейная социограмма» (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис) — для выявления представлений девушек о собственном положении в системе семейных межличностных отношений, определения характера коммуникации в семье и выявления динамики этих показателей во временной перспективе.

3. Методика «Самоотношение» (В.В. Столин, С.Р. Пантлеев) — для анализа различных аспектов отношения к себе у девушек периода ранней взрослости из разведённых семей.

4. Опросник Родительской связи (PBI, Parker G.) — для выявления характеристик восприятия отношения к ним со стороны родителей у девушек периода ранней взрослости из разведённых семей.

5. Цветовой тест отношений (ЦТО, А. Эткинд) — для выявления эмоциональных компонентов отношений девушек к родителям, к ситуации развода, а также структурных и содержательных характеристик мотивационно-смысловой сферы, связанных с различными аспектами «Я-концепции» девушек периода ранней взрослости из разведённых семей.

В ходе проведенного нами исследования были получены следующие результаты:

Преобладающее большинство обследованных девушек из разведённых семей после развода родителей не обнаруживали существенных изменений в объективных условиях их жизни по сравнению с предразводной ситуацией. Наиболее субъективно значимые трансформации обнаруживались в сфере взаимоотношений девушек с родителями, в частности — в характере взаимоотношений с покинувшим семью родителем (в преобладающем числе случаев с отцом). Отношения девушек с отдельно проживающим родителем оценивались ими как в основном нерегулярные, формальные и неудовлетворительные.

В качестве наиболее часто встречаемых субъективных представлений девушек о возможных причинах распада семьи родителей выступали высокий уровень конфликтности в семье, алкоголизм одного или обоих родителей, а также случаи супружеской измены. Среди наиболее значимых конфликтных сфер в родительской подсистеме выступали: уровень материального благосостояния семьи, а также невыполнение одним из супругов семейных функций.

Семейное функционирование родительской семьи в предразводный период также характеризовалось внутренней конфликтностью и дистанцированностью отношений как между самими родителями, так и между ними и дочерьми.

В результате изменившихся после развода взаимоотношений девушек с родителями у них формируется компенсаторный характер «идеальных» представлений о семье, для которых свойственно стремление к чрезмерно

близким, симбиотическим отношениям между всеми членами семьи.

Характер воспринимаемого отношения к себе со стороны родителей у девушек из разведенных и полных семей со временем меняется в сторону уменьшения степени эмоциональной теплоты и выраженности контроля, как со стороны матери, так и со стороны отца. В то же время причины такого восприятия родительского отношения в сравниваемых группах различны. У девушек из разведенных семей это связано с перестройкой системы детско-родительских взаимоотношений, произошедшей вследствие развода. В полных семьях данную трансформацию детско-родительских отношений в большей степени связана с процессом взросления и приобретения эмоциональной независимости от родителей и самостоятельности.

Отношение к себе у девушек, переживших развод в родительской семье, отличается более низкими показателями самопринятия, саморуководства, а также более выраженной внутренней конфликтностью и самообвинением в сравнении с девушками из полных семей.

Воспитание девушек в условиях полной семьи способствует усвоению ими реалистичной модели внутрисемейного поведения, опосредованной идентификацией с женской психосексуальной ролью. У девушек из разведенных родительских семей обнаруживаются особенности искаженных представлений в сфере семейных взаимоотношений, которые с большой степенью вероятности окажут неблагоприятное влияние на процесс построения партнерских взаимоотношений и создание собственной семьи.

Список использованной литературы:

1. Ипполитова, Е. А. Семейные перспективы девушек, переживших развод родителей // Наука и современность. — 2010. — № 3 — 2 . — С. 32-36.
2. Клементьева, М. В. События развода в биографической рефлексии взрослых мужчин и женщин // Известия Тульского государственного университета. — 2014. — № 1. — С. 101-111.

3. Некрасова, О. В. Психолого-педагогические условия развития адаптивных отношений матери и подростка в семье после развода : автореф. дис. ... канд. психол. наук / О.В. Некрасова. — Тамбов, 2006.

4. Пухова, Т. И. Повторение пути, пройденного матерью [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. — 2001. — № 4. — URL: http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2860&spphrase_id=12584 (дата обращения: 25.10.2015).

7. Wallerstein, J.S. The Unexpected Legacy of Divorce: Report of a 25-Year Study // Psychoanal. Psychol. — 2004. — № 21. — p. 353-370.

Факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами и методы их оценки

Афони́на Ю.С. , студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – Д.С. Ошевский

Для понимания природы агрессивного криминального поведения у несовершеннолетних с психическими расстройствами и разработки мер специфической работы, необходимо выявлять механизмы агрессивного поведения, причины его возникновения, а для понимания причин агрессивного криминального поведения, необходимо выявить факторы риска, которые способствуют такому поведению.

Для несовершеннолетних с расстройствами шизофренического спектра характерны специфические нарушения, которые негативно влияют на самоконтроль и критичность к своим действиям. В данной категории прослеживаются нарушения мышления, восприятия, а вследствие этого – трудности с осмыслением ситуации. Для подростков с данными расстройствами характерны трудности с оценкой своих действий, они склонны к неоднократному совершению преступных действий, большинство которых отличаются чрезмерной жестокостью. При расстройствах шизофренического спектра нарушается процесс мышления, отмечается нарушение ассоциативной сферы, искажается смысловая сфера, а также отмечается своеобразие мотивации, при которой действия таких подростков становятся недостаточно предсказуемыми (Зейгарник Б.В., 2003). Вследствие этого подростки испытывают трудности в общении, что также относится к факторам риска агрессивного поведения, так как в подростковом возрасте ведущей потребностью человека является именно общение со сверстниками.

Ситуация ухудшается, если присутствует насилие со стороны близкого окружения или сложная ситуация в семье (Ошевский Д.С., 2006).

При изучении органического поражения головного мозга (ОПГМ) у несовершеннолетнего ведущими факторами агрессивного криминального поведения является тот факт, что родители, особенно мать, злоупотребляли психоактивными веществами и алкоголем. Алкоголизация родителей или употребление психоактивных веществ (ПАВ) сказываются на образе жизни всей семьи, в которой растёт несовершеннолетний. Плохая адаптация в школе влечёт за собой нарушение дисциплины. Также одним из проявлений ОПГМ является интеллектуальное снижение, что также влияет на смысловую сферу, на обучение и социальную адаптацию. Так как в подростковом возрасте ведущей деятельностью является общение со сверстниками, то подросток из просоциальной среды, где отношения со сверстниками не складываются, может попасть в диссоциальную среду. Из неблагоприятной для такого подростка среды он попадает в диссоциальную среду, где происходит первый опыт употребления алкогольных напитков. В агрессивно настроенной криминальной группе возможно искажение смысловой сферы и переосмысление ценностей. В силу заострения индивидуальных черт личности, например, высокой чувствительности к внешним ситуациям и фиксации на негативных переживаниях, риск повторения противоправных действий повышается. Также при органическом расстройстве может отмечаться раздражительность, конфликтность и эмоциональная неустойчивость (Зубкова А.А., Ошевский Д.С., 2014; Мальцева М.М., Котов В.П., 1995; Макушкин Е.В., 2009).

Агрессивное поведение подростков с психопатическими расстройствами связывают с эмоциональной неустойчивостью, трудностями волевого контроля собственного поведения, а также повышенной зависимостью от внешних условий. К причинам нарушения поведения можно отнести нарушения в дизонтогенетическом развитии – нарушении онтогенеза по причине воздействия различных факторов (генетических, ранних

поражений головного мозга, последствий хронических заболеваний, функциональных задержек и др.). При психопатических расстройствах главное значение в совершении агрессивных действий принимают дисгармония личности, нарушение эмоционально-волевой сферы, взаимосвязь агрессивных действий с определёнными чертами характера, эмоциональная неустойчивость и др., что может приводить к трудностям и неадекватным реакциям в социальной среде. Некоторые психопатические личности могут отличаться особым образом мышления, который проявляется при оценке своего «Я», в понимании межличностных отношений, а вследствие этого возможной необъективной самооценкой (Макушкин Е.В., 2009; Сафуанов Ф.С., 2003).

При оценке факторов риска агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей с различными психическими расстройствами может быть использован следующий комплекс методик:

1. «Тест руки» (Hand Test) Э. Вагнера – проективная методика, может быть использована для оценки склонности к агрессивному реагированию (Ильин Е.П., 2014).

2. Тест фрустрационной толерантности С. Розенцвейга – может быть применён для изучения склонности к агрессии и механизмов её сдерживания (Дементий Л.И., 2004).

3. Индивидуально-типологический диагностический опросник (ИТДО) Л.Н.Собчик – может применяться для исследования индивидуально-психологических особенностей (Собчик Л.Н., 2007).

4. Цветовой тест отношений (ЦТО) А.М.Эткинда – может применяться для исследования особенностей смысловой сферы (Эткинд А.М., 1988).

5. SAVRY («Структурированная оценка риска насилия у подростков») – методика структурированной оценки риска агрессивного поведения несовершеннолетнего лица (Ошевский Д.С., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., 2015).

6. MAYSI-2 – скрининговая методика оценки психического здоровья для выявления наличия различных заболеваний и патологий (Lyn Kathlene, 2014).

Использование представленного комплекса методик при исследовании агрессивного поведения у подростков с рассмотренными в данной работе психическими расстройствами является достаточно актуальным. При названных психических расстройствах факторы риска агрессивного поведения в большей степени взаимосвязаны с интеллектуальным развитием, смысловой сферой и развитием моральных суждений, а также с индивидуально-психологическими особенностями. Параллельное использование скрининговых инструментов для оценки психического здоровья личности позволяет достаточно полно исследовать механизмы агрессивного поведения, а также выявить факторы риска.

Список использованной литературы:

1. Зейгарник, Б.В. Патопсихология : Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Издательский центр «Академия», 2003. – 208 с.
2. Зубкова А.А, Ошевский Д.С. Факторы риска агрессивного криминального поведения у подростков с органическим поражением головного мозга // Психическое здоровье. – 2014. – № 12. – С. 34-41.
3. Ильин, Е.П. Психология агрессивного поведения. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 368 с. : ил.
4. Макушкин, Е.В. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием. – Москва : ООО «Медицинское информационное агентство», 2009. – 240 с. : ил.
5. Мальцева М.М., Котов В.П. Опасные действия психически больных. – Москва : Медицина, 1995. – 256 с.
6. Ошевский Д.С., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д. Оценка риска противоправного агрессивного поведения у несовершеннолетних

- с аномалиями психического развития : методические рекомендации. – Москва : ФГБУ «ФМИЦПН» Минздрава России, 2015. – 25 с.
7. Ошевский Д.С. Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (психологический аспект): дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2006 – 167 с.
 8. Сафуанов, Ф.С. Психология криминальной агрессии. Москва : Смысл, 2003. – 300 с.
 9. Собчик, Л.Н. Психодиагностика в медицине. Практическое руководство. – Боргес, 2007. – 416 с.
 10. Фрустрация : Понятие и диагностика : Учебно-методическое пособие : Для студентов специальности 020400 «Психология» / Сост. Л.И.Дементий. – Омск : Издательство ОмГУ, 2004. – 68 с.
 - 11.Эткинд, А.М. Цветовой тест отношений // Практикум по психодиагностике : психодиагностические материалы. – Москва : Издательство МГУ. 1988. – 119-122 с.
 - 12.Lyn Kathlene, Ph.D. MAYSI-2 : Administration and Referral Protocol Template Instructions. Spark Policy Institute, 2014. – p. 45.

Возможности психологического воздействия при коррекции расстройств поведения у лиц с аномальным сексуальным влечением

Бабина С.В., студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – Н.В. Дворянчиков

Необходимость изучения возможностей психологического воздействия при коррекции расстройств сексуального предпочтения обусловлена наличием социальной опасности, которую представляют лица с данными нарушениями.

Основная задача состоит в решении следующих вопросов: какой метод терапии наиболее эффективен и что входит в компетентность психолога при лечении расстройств поведения у лиц с аномальным сексуальным влечением.

Преимущественно применяются три метода терапии: психофармакологическое лечение, когнитивно-бихевиоральная терапия, психотерапия.

Известно, что «агрессивные» парафилии и парафилии, вызванные органическим поражением головного мозга имеют высокую вероятность возникновения рецидивов (Дерягин Г.Б., 2011).

Важно устранить данный риск, во-первых, для уменьшения количества жертв сексуальных преступлений, во-вторых, для дальнейшей благополучной социальной адаптации пациента с нарушением влечения. В выводах статьи Бабиной С.В. и Дворянчикова Н.В. «Возможности психокоррекционных лечебных мероприятий в отношении лиц с аномальным сексуальным предпочтением» обозначено, что психотерапевтическое воздействие «является наиболее оптимальным для профилактики рецидивов» (Бабина С.В., Дворянчиков Н.В., 2015).

Для подтверждения эффективности применения в целях коррекции аномального сексуального поведения психотерапии и психокоррекции

необходимо провести анализ результатов воздействия. Для этого следует прибегнуть к рассмотрению случая, представленного в качестве иллюстрации использования стратегий психотерапии Ткаченко А.А., Введенским Г.Е., Дворянчиковым Н.В. в руководстве по судебной сексологии.

Согласно заключению сексолога у больного гомосексуальная педофилия с садистическими тенденциями (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2015). Органические неврологические симптомы были выделены невропатологом.

Главной целью психотерапии и психокоррекции при лечении расстройств сексуального предпочтения является такое замещение парафильного поведения, при котором была бы обеспечена эмоциональная саморегуляция пациента.

Оценивать эффективность терапии возможно путем сопоставления полученных сведений в ходе психологических исследований и ожидаемых при благоприятном течении лечебных мероприятий результатов.

Для подготовки пациента к первой стадии психокоррекции (разрушение паттерна аномального сексуального поведения) терапевт подробно расспрашивает в ходе беседы о действиях и переживаниях, сопровождающих реализацию аномального сексуального поведения. Важно выяснить психическое состояние на каждом этапе совершения поведенческого акта, природу воздействующих стимулов.

В дальнейшем необходимо проработать в памяти все эпизоды парафильного поведения. Проводилось якорение гетеросексуальных эпизодов на правой руке, гомосексуальных — на левой. В связи с нарушением межполушарных отношений, у испытуемого сексуальное возбуждение исчезло только после слияния якорей.

Можно заключить, что данный этап пройден успешно, когда у испытуемого возникает критическое отношение к своему парафильному поведению.

Критерием успешного прохождения второго этапа терапии (купирование аффективных нарушений) является снижение либидо, уменьшение количества патологических сексуальных фантазий, улучшение аффективного состояния

В результате прохождения третьего этапа лечения (психокоррекция расстройств половой идентичности) у пациента исчезли проблемы в контакте с противоположным полом, в представлении Я возникло преобладание маскулинных черт, снизилась деперсонифицированность восприятия образа «женщины», произошла смена референтной группы.

Свою эффективность доказали следующие методы: слияние якорей, работа с позой и походкой, субмодальностями, паттерн «взмаха».

В обследовании, проведенном после прохождения пациентом четвертого этапа терапии, отмечается снижение агрессивно-садистической составляющей его либидо и стремления занимать доминирующую позицию, меняется восприятие пола, сексуальные предпочтения и содержание сексуальных фантазий, что свидетельствует о благоприятном прохождении психотерапии.

Экологическая проверка, заключающаяся в фантазировании о приемлемых вариантах сексуального поведения, изменения отношений, составляющих Я-концепции и восприятия полов, отсутствие патологического влечения позволяют сделать заключение о целесообразности завершения психотерапевтического курса.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что психотерапевтическое вмешательство наиболее целесообразно для коррекции «агрессивных» парафилий, содействие психологов и психотерапевтов является необходимым при лечении расстройств сексуального влечения. Стоит отметить, что грамотное проведение психодиагностики позволяет наблюдать динамику изменений, происходящих в ходе терапии, и делать выводы об эффективности вмешательства.

Стоит обратить внимание на то, что эффективность терапевтического вмешательства зависит от индивидуальных особенностей пациента, поэтому схема лечения должна быть адаптирована для каждого конкретного больного.

Обнаружить у личности сексуальное расстройство не всегда бывает возможным в силу подавления некоторыми людьми своих девиантных потребностей, сокрытия патологических сексуальных фантазий. В связи с этим целесообразно указать на необходимость и важность проведения профилактических мероприятий для выявления группы риска и предотвращения формирования дивиантного сексуального поведения. Главной задачей здравоохранения в области сексуального поведения на сегодняшний день должно стать создание программ просвещения, организация доступной помощи лицам с нарушениями и своевременной психологической поддержки при потенциальной возможности возникновения этих нарушений (например, при раннем психосексуальном развитии, поражении головного мозга и т.д.).

Заключим, что своевременность психологической помощи и доступность информации о сексуальных расстройствах, может дать возможность обезопасить общество и благополучно восстановить пациента в систему социальных отношений.

Список используемой литературы:

1. Бабина С.В., Дворянчиков Н.В. «Возможности психокоррекционных лечебных мероприятий в отношении лиц с аномальным сексуальным предпочтением» // Психология и право. 2015. Том 5. № 2.
2. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.

3. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология: Руководство для врачей. – М.: Бином, 2015.

Эмпатические способности у сотрудников УИС, работающих в непосредственном контакте с осужденными и лицами, содержащимися под стражей

*Борисова Д.П., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва*

Научный руководитель – Н.В. Дворянчиков

Находясь в эпоху развития различных новых технологий и формирования более развитого общества возникает интерес к особенностям развития

и формирования эмоционального компонента личности. В настоящее время все чаще обращается внимание на особенности взаимоотношений и общения между людьми. Проблема развития эмпатии становится все актуальнее за счет общих тенденций развития современного общества, которое становится более жестким, прагматичным и в некоторой степени ригидным (Соколов Е.А., 2002).

Профессиональная деятельность и прежде всего служба в правоохранительных органах, наносит определенный отпечаток на личность человека, на его коммуникативные, эмоциональные и иные компоненты, включенные в общение. Сотрудники уголовно-исполнительной системы, постоянно находятся в напряженных, стрессовых ситуациях, так как общение со спецконтингентом требует постоянного внимания, бдительности, надзора и контроля. Но, наравне с этим, основной целью пенитенциарной системы, в которую попадают правонарушители, является «исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений» (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, 2015). Даже сотрудники службы безопасности, отчасти являются воспитателями своих подопечных. Соответственно, помимо требований режима и порядка отбывания наказания,

необходимо соблюдение и включение в свою деятельность нравственных и педагогических конструкторов.

Поэтому большое значение имеет эмоциональная сфера сотрудника.

Во многих работах, посвященных исследованию эмоционального компонента личности, а точнее эмпатии, уделяется большое внимание именно гуманитарному направлению, ведь именно в профессиях, связанных с контактом с людьми важно найти подход к другой личности. Эмпатия составляет ядро коммуникации, способствует сбалансированности межличностных отношений, социальной адекватности поведения человека (Елефференко И.О., 2010).

Способность к эмпатии позволяет сотруднику не только понять эмоциональное состояние осужденного, но и иметь возможность оценивать достоверность поступающей от него информации, давать более точный прогноз в отношении его поведения в той или иной ситуации. Более того, проявление сопереживания или сочувствия по отношению к партнеру по взаимодействию приводит к установлению психологического контакта между сотрудником и осужденным. Наличие определенной степени доверия у осужденного к сотруднику приводит к искренности в беседе, а также обеспечивает возможность действенных воспитательных и коррекционных воздействий.

Однако изучение эмпатических способностей сотрудников уголовно-исполнительной системы не получило широкого распространения и требует самостоятельного исследования.

В нашем исследовании приняли участие 89 человек – 4 группы, в каждой из которых от 20 до 25 человек. Группы были сформированы в зависимости от рода деятельности (аттестованные сотрудники, имеющие непосредственный контакт с осужденными; вольнонаемные работники, как правило, не имеющие контакт с осужденными или взаимодействующие с ними эпизодически).

Применялись следующие методики: Торонтская алекситимическая шкала

TAS-26, Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко (Тест на эмпатию Бойко В.В.), методика «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна, опросник Плутчика, Келлермана Конте) – Методика «Индекс жизненного стиля».

Выводы. В ходе исследования было выявлено, что непосредственное общение влияет на общий уровень эмпатии, проявляемый сотрудниками уголовно-исполнительной системы, находящихся в постоянном контакте с осужденными. Для сотрудников, работающих в системе от 5 до 10 лет, характерно снижение эмпатических способностей, особенно это снижение наблюдается на рациональном канале эмпатии. У сотрудников, чей трудовой стаж более 10 лет характерна другая картина – общий уровень эмпатии этих служащих возрастает. Однако, значительное число респондентов обладают средним уровнем эмпатических способностей, что подтверждается результатами двух методик, направленных на диагностику эмпатии. Только около 20% (25 и 23 человека в зависимости от методики) от всех лиц, принявших участие, обладают высокими показателями эмпатических способностей и 6% (6 человек) имеют сниженные показатели.

Значимые различия в уровне эмпатических способностей проявляются между группами сотрудников УИИ и СИЗО, не контактирующих с осужденными. У представителей второй группы со стажем менее 5 лет отмечается отрицательная связь с интуитивным каналом эмпатии, что может быть обусловлено условиями трудовой деятельности, так как их задачи не связаны с взаимодействием с людьми.

Молодые сотрудники уголовно-исполнительной инспекции склонны использовать в общении рациональный и интуитивный каналы эмпатии на этапе становления себя в профессии, но с увеличением стажа происходит снижение общего уровня эмпатии. Можно соотнести этот факт с потребностью самоактуализации и карьерного развития и смещением внимания с окружающих на свою личность.

Уровень эмпатии у сотрудников УИС и работников, не входящих в число служащих в правоохранительных органах, значимых различий не имеет. Обе категории респондентов характеризуются средним уровнем развития способности к проявлению эмпатии. Однако отмечаются различные механизмы протекания и формирования процесса эмпатии. Так, в группе гражданских сотрудников отмечаются две значимые категории: семья и дети, которые формируют особый тип эмпатического процесса, заключающийся в снижении уровня развития рационального канала эмпатии и проникающей способности, и преобладанием эмоционального канала эмпатии, для лиц имеющих детей. У сотрудников, контактирующих с осужденными, появляется связь как общего уровня эмпатии (что является закономерным), так и отдельных компонентов эмпатических способностей с алекситимией. Так, установки, способствующие эмпатии и повышенная проникающая способность являются факторами, препятствующими проявлению алекситимических черт в поведении.

Напряженность психологических защит в больше или меньшей степени отмечалась у всех респондентов, участвовавших в исследовании. В ходе анализа полученных данных было выявлено значительное расхождение в использовании типа защиты у групп, контактирующих и не контактирующих с осужденными. Так, первая группа обладает очень маленьким набором психологических защит, допустимым в своем поведении. К ним можем отнести «отрицание», «подавление», и «реактивное образование». Это происходит за счет условий службы, которая требует от своих сотрудников соблюдения жестких рамок взаимодействия как между собой, так и с осужденными. При постоянной необходимости быть готовым к экстремальным ситуациям, держать все под контролем и неотложно решать возникающие проблемные ситуации, сотруднику недопустимо проявлять те формы защиты, которые кардинально могут повлиять на его деятельность. Следовательно, нами выявлены способы совладания с

психотравмирующей ситуацией, которые позволяют быстро переключиться и игнорировать негативное воздействие.

Список использованной литературы:

1. Елеференко И. О. Эмпатия как основание коммуникации // «Культурная жизнь Юга России». – 2010. - №4 (38). – С. 33-36
2. Соколов Е.А. Влияние деятельности на эмпатию сотрудника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2002. №1. С. 16-19
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М. : Издательство «Омега-Л», 2015. – 96 с. – (Кодексы Российской Федерации).

К вопросу о пенитенциарной преступности

*Брауде Е.В., студентка Челябинского
государственного университета, Челябинск*

Научный руководитель – А.С. Приколова

Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации под пенитенциарными следует понимать преступления, посягающие на общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний в условиях изоляции от общества. В специальной литературе отмечаются следующие особенности пенитенциарных преступлений: во-первых, оно характеризуется особой повторностью, так как совершается в пределах территориального пространства, в рамках которого функционирует пенитенциарное учреждение; во-вторых, вторичное умышленное преступление существенно расширяет временные рамки бытия пенитенциарного конфликта по отношению к преступлениям непенитенциарного характера (Калинин Ю.И., 2004).

Как показывает практика, причины сложившейся обстановки в местах лишения свободы носят глубинный характер, в основе которого лежит криминогенное общение осужденных. На это указывают и многие ученые (Демьянов В.В., 2012). Например, исследования Ю.М. Антояна, Г.Ф. Хохрякова, И.В. Шмарова посвящены изучению личности и социальной среды осужденного в местах лишения свободы. Работы В.М. Анисимкова, С.Я. Лебедева, В.В. Тулегенова, Н.А. Яковлева раскрывают сложные и противоречивые взаимоотношения субкультурной среды осужденных, дают характеристику криминальных традиций и обычаев. Исследование В.Г. Громова затрагивает криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализацию.

Попадая в колонию, осужденный оказывается заложником двух нормативных систем – во-первых, официальной, обусловленной уголовно-

исполнительным законодательством и реализуемой администрацией колонии; во-вторых, неформальной, носителями которой являются сами осужденные. Ценностно-нормативные показатели у них, как правило, не совпадают и требуют противоположного поведения.

Поэтому на начальном этапе отбытия наказания, лица, осужденные впервые или имеющие личностные особенности являются наиболее уязвимыми. В состоянии психического напряжения, начинают проявляться механизмы психологической защиты, отчуждения от воспитательного воздействия. В это же время идет поиск референтной группы – именно от ее микроклимата будет зависеть выбор поведенческой линии осужденного, принятие норм криминальной субкультуры, стратегия взаимоотношений с сотрудниками исправительного учреждения. Наиболее отрицательное влияние в этом случае оказывает преступная деятельность устойчивого активного криминального ядра, в которое входят лица, ранее совершавшие преступления, – представители злостного и особо злостного типов личности (Легостаев С.В., 2014).

Одной из самых сложных и опасных характеристик пенитенциарной преступности является то, что она представляет собой специфическую разновидность уголовного рецидива. Такое рецидивное преступление обладает повышенной общественной опасностью, так как совершается в процессе отбывания наказания за предыдущее преступление и указывает на активное противопоставление официальным нормам, нежеланию личности встать на путь исправления и перевоспитания.

Согласно данным С.А. Хохрина, более 90% всех совершаемых преступлений происходит в исправительных колониях, максимальное количество – в колониях строго режима (С.А. Хохрин, 2015). Это объясняется особенностями социально-психологической характеристики контингента – именно здесь пребывают лица, осужденные за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Меньше всего преступлений совершается в колониях особого режима и в лечебно-исправительных

учреждениях, что обусловлено максимально жестким режимом содержания в первом случае и состоянием здоровья осужденных во втором.

Социально-демографический профиль осужденных, совершающих преступления, следующий: примерно половина из них – это лица до 30 лет, имеющие уже определенный жизненный опыт, сформированные негативные ценности ориентации, наличие двух или трех судимостей.

Говоря о личности пенитенциарного преступника, А.М. Никитин выделяет три основные группы осужденных (Никитин А.М., 2016). Первую группу составляют приверженцы криминальной субкультуры. Их поведение направлено на самоутверждение и признание со стороны окружающих. Часто демонстрируют наличие запрещенных предметов, лучших продуктов и условий. Для них нарушения установленных администрацией правил – способ показать собственный авторитет, установить или усилить позицию лидера в определенной малой группе.

Вторую группу составляют ситуативные преступники с устойчивой линией поведения. Антиобщественные проявления в этой группе незначительны и чаще все являются ответной реакцией на внешнюю агрессию.

Третья группа - осужденные неустойчивого типа, с выраженными деформациями в структуре направленности личности. Преступления в этом случае могут совершаться как индивидуально, так и коллективно. Основные личностные характеристики – инфантильность, слабый самоконтроль, низкий интеллектуальный уровень и повышенная тревожность.

Если говорить об общих тенденциях, то среди личностных факторов пенитенциарного преступника в первую очередь следует выделить наличие психических аномалий, инфантилизм в сочетании с конформностью и зависимостью, невысокий образовательный уровень, примитивная система потребностей, негативные психические состояния.

Список использованной литературы:

1. Демьянов, В.В. Криминогенное общение в среде осужденных как фактор, влияющий на пенитенциарную преступность / В.В. Демьянов // Человек: преступление и наказание. – 2012. – №3 (78). – С. 105-108.
2. Легостаев, С.В. Пенитенциарная преступность: состояние, основные тенденции и проблемы предупреждения / С.В. Легостаев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. - №2 (28). – С. 77-83.
3. Калинин, Ю.И. К вопросу о понятии, сущности и основных чертах пенитенциарного преступления / Ю.И. Калинин // Человек: преступление и наказание. – 2004. – №4 (48). – С. 13.
4. Никитин, А.М. Личность пенитенциарного правонарушителя как фактор предупреждения преступности в местах лишения свободы / А.М. Никитин // Вестник международного института управления. – 2016. - №1-2 (137-138). – С. 53-57.
5. Хохрин, С.А. Некоторые аспекты пенитенциарной преступности / С.А. Хохрин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. - №1 (27). – С. 148-151.

Особенности эмоционального интеллекта подростков с девиантным опытом

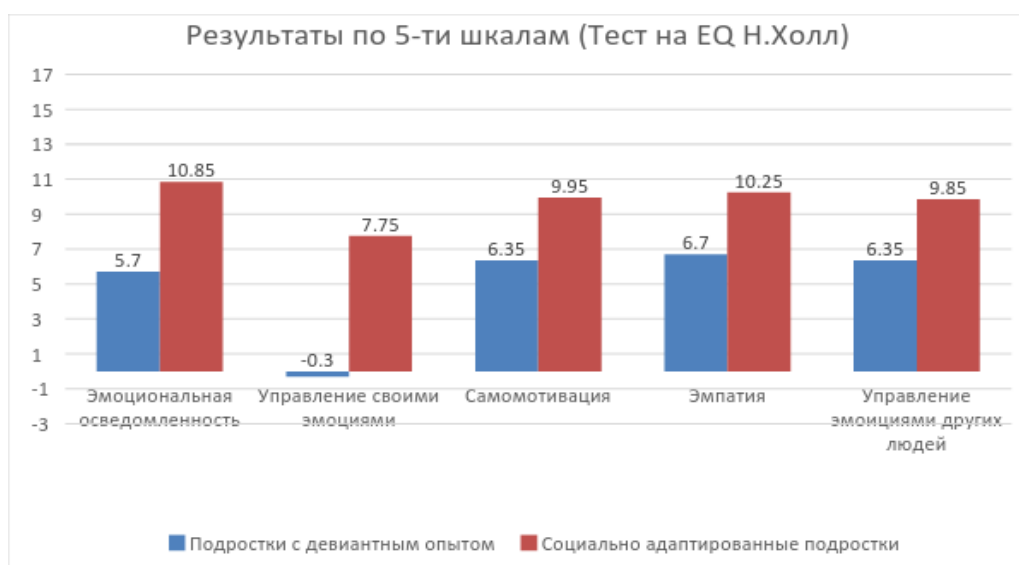
*Волков Н.А., студент Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва.
Научный руководитель – Н.В. Богданович*

Изучение психологами эмоционального интеллекта началось не так давно, однако в последние годы приобретает всё большую популярность. Авторы Д. Майер и П. Сэловей определяют эмоциональный интеллект как группу ментальных способностей, помогающих понять и осознать эмоции, как свои, так и окружающих. Но его исследования в основном проводились на взрослых людях, что и обусловило актуальность нашей работы.

Цель исследования: выявление особенностей эмоционального интеллекта подростков с девиантным опытом.

В исследовании принимали участие 23 учащихся подросткового возраста с девиантным опытом и 23 учащихся подросткового возраста, не имеющих девиантного опыта.

Методика Н. Холла «Эмоциональный интеллект» дала такие результаты:

У подростков с девиантным опытом интегрированный уровень эмоционального интеллекта низок (средний бал составил 24.8), что отражается на всех пяти шкалах, особенно в шкале «Управление своими эмоциями» (средний бал 0.3). Шкала «Эмпатия» (6.7) ближе всего к среднему уровню.

Таким образом можно сказать, что подростки с девиантным опытом плохо осознают и понимают свои эмоции, эмоционально не отходчивы и им очень сложно произвольно управлять своими эмоциями и, как следствие, своим поведением. У них слабые показатели по шкале «эмпатия», то есть они не всегда понимают и разделяют эмоции других людей, не могут сопереживать текущему состоянию другого человека, не умеют воздействовать на эмоциональное состояние других людей.

Социально адаптированные подростки характеризуются средним интегрированным уровнем эмоционального интеллекта (средний бал составил 48.65): по шкалам «Эмоциональная осведомленность» средний бал составил 10.85; «Управление своими эмоциями» — 7.75; «Самотивация» — 9.95; «Эмпатия» — 10.25; «Управление эмоциями других людей» — 9.85.

Можно сделать вывод, что эмоциональный интеллект подростков с девиантным опытом ниже, чем у подростков с нормированным поведением.

С помощью контент-анализа биографических данных были выделены и объединены в определённые критерии высказывания-индикаторы. Так, критерию «Страх» соответствуют индикаторы «испугался; было стрёмно». Также при анализе данных учитывались сами события, описываемые подростками. В итоге были выделены такие критерии:

1. У подростков с девиантным опытом вызывает радость грандиозная покупка или грандиозная встреча с друзьями. У социально адаптированных подростков, напротив, особую радость вызывают успехи и достижения в учёбе. Социально адаптированные подростки не выделяют встречу с друзьями и покупки. (Радость) (16/17 с девиантным опытом, 17/17 социально адаптированных).

2. У подростков с девиантным опытом вызывали страх события связанные с риском для жизни (7/17). У социально адаптированных подростков страх вызывали возможные проблемы в учебе и сдачи экзаменов (13/17).

3. У подростков с девиантным опытом чувство обиды вызывали события связанные с поломкой любимой техники (3/17). У социально адаптированных подростков обиду вызывали события связанные с предательствами друзей или разногласия с родителями (12/17).

4. Переживание чувства «счастья» как и у подростков с девиантным опытом, так и у социально адаптированных подростков вызывало одно и тоже событие — «отношение с девушкой». (5/17 с девиантным опытом и 9/17 социально адаптированных).

5. Одинаково сильно придавалось значение событию «смерть» — переживались смерти как близких, так и посторонних людей. Переживания были очень сильными, почти каждый писал о депрессии и стрессе (4/17 с девиантным опытом, 5/17 социально адаптированных)

6. Расставание с девушкой тяжело переносили обе группы (4/17 и 4/17)

7. Огромное значение придавалось травмам у девиантных подростков (3/17 с девиантным опытом; у социально адаптированных не обнаружено)

8. Только два подростка с девиантным опытом придали значение приводу в полицию, переживания были описаны как «интересно, любопытно и весело», у подростков с нормированным поведением такого опыта не было.

9. У подростков с девиантным опытом, грусть вызвали такие события как предстоящие экзамены или увольнение с подработки (6/17). У социально адаптированных подростков грусть вызывали события, связанные с ссорами или неудачами в учёбе (13/17).

10. Подростки с нормированным поведением испытывали чувство гордости, как за свои достижения своих близких, так и за свои (12/17). Среди подростков с девиантным опытом был только один, гордившийся собой (1/17)

11. Чувство стыда описали только подростки с девиантным опытом: они стыдились какого-то события, случившегося перед их друзьями, они стыдились того, что показали страх или испуг (2/17).

Анализируя данные, стоит отметить, что события и переживания описываемые подростками имели выраженную разницу как в событиях, так и в описании переживаний.

Можно предположить, что небольшое количество испытанных эмоций связано с низким эмоциональным интеллектом, выявленным по методике Холла. Возможно, подросток просто не может испытать всю полноту переживаний в различных ситуациях и поэтому не придаёт этому

значения. Либо, наоборот, подросток с девиантным опытом так тяжело переносит значимые события, что просто не может повторно пережить их.

К вопросу о нейропсихологическом анализе нарушений мышления в экспертно-реабилитационной практике

*Гусева И.Д., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – З.В. Луковцева*

Нейропсихологический анализ нарушений ВПФ и эмоционально-личностной сферы при локальных поражениях мозга входит в число задач экспертной деятельности клинического психолога и является необходимым условием эффективности последующей реабилитации соответствующих категорий подэкспертных. Как функциональная, так и топическая нейропсихологическая диагностика находят свое применение в КСППЭ, МСЭ и иных видах экспертизы. Между тем, не все психические процессы и функции в равной степени исследованы с нейропсихологической точки зрения, а их экспертная оценка имеет весьма неравномерное методическое обеспечение. В частности, мышление существенно чаще становится предметом изучения экспертов-патопсихологов, хотя понимание его мозговых механизмов на различных отрезках континуума «норма-патология» перспективно не только в сугубо практическом, но и в научно-исследовательском отношении.

Еще в 1960-е годы А.Р. Лурия указывал: «...изучение мозговой организации мышления не имеет истории вообще» (Лурия А.Р., 1962, с. 307). Одной из основных причин недостаточной изученности данной проблемы считалось представление об отсутствии конкретных мозговых механизмов высших форм интеллектуальной деятельности.

Мышление определяется как активная саморегулирующаяся форма психической деятельности, носящая опосредованный характер. Оно обеспечивает не только отражение окружающей действительности, но и

решение определенной задачи, а также исследование проблемных ситуаций (Зейгарник Б.В., 2003; Хомская Е.Д., 2005; Цветкова Л.С., 1995, 2004).

Обязательным является исследование способности пациента/подэкспертного к осуществлению мыслительных операций. В качестве последних Е.Д. Хомская предлагала рассматривать различные вербально-логические, наглядно-образные и числовые «умственные действия», которые сложились в общественно-исторической практике и обеспечивают установление общих взаимосвязей, понимание сущности конкретных явлений и обобщение свойств однородной группы явлений (Хомская Е.Д., 1995). Примерами таких операций могут служить анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, обобщение, конкретизация.

Нейропсихологов интересуют не только структурно-операциональные, но и процессуальные характеристики мышления; соответственно, при анализе нарушений данной ВПФ в обязательном порядке исследуются особенности каждой стадии мыслительного процесса, – предварительной ориентировки в условиях диагностической задачи, выработки стратегий ее решения и пр. (Хомская Е.Д., 1995). Предметом специального рассмотрения могут становиться, скажем, кинетические характеристики мыслительной деятельности, нарушение которых выражается в ригидности, тенденции к фиксации на предыдущей стадии мыслительного процесса и ранее использованных способах выполнения задания (премоторные очаги).

В нейропсихологической практике закрепились дифференциация наглядно-действенного, наглядно-образного и словесно-логического (вербально-логического) видов мышления, одновременно отражающая онтогенетическое развитие рассматриваемой ВПФ (Бизюк А.П., 2005; Зейгарник Б.В., 2003). Данная классификация может находить применение в экспертно-реабилитационной работе нейропсихолога с людьми разных возрастов.

Наглядно-действенное мышление представляет собой процесс решения конструктивных задач и подразумевает активное использование речи, с помощью которой происходит выделение существенных признаков и, напротив, отвлечение от несущественных. Нарушения наглядно-действенного мышления проявляются как хаотичность конструктивной деятельности с преобладанием пространственных ошибок; такого рода является можно наблюдать при поражении т.н. ассоциативных комплексов (префронтальной коры и зоны ГРО в обоих полушариях) (Визель Т.Г., 2005; Цветкова Л.С., 2004).

Наглядно-образное мышление связано с представлением ситуаций и происходящих изменений в них, которые человек хочет получить в результате своей деятельности. Нарушения наглядно-образного мышления характерны для следующих локализаций поражения:

теменно-затылочные отделы коры правого полушария (на первый план выступает разобщение чувственно-образных представлений);

базальные лобные отделы коры обоих полушарий (преобладают трудности включения в деятельность и патологическая инертность);

префронтальная кора обоих полушарий (наблюдаются фрагментарность, соскальзывание, резонерство и иные нарушения произвольной организации мыслительной деятельности) (Визель Т.Г., 2005).

Наконец, вербально-логическое (речевое) мышление является основным средством познавательной деятельности и использования знаний; оно порождается мотивом, который, в свою очередь, формирует мысль, опосредованную словом. Нарушения речевого мышления встречаются при таких же очагах, что и нарушения предыдущего вида мышления, однако здесь существенно большую роль играют поражения левого полушария (Визель Т.Г., 2005; Цветкова Л.С., 1995).

С нейропсихологической точки зрения опосредованность мышления позволяет рассматривать его нарушения в тесной связи с афазиями, акалькулиями и иными нарушениями способности к оперированию знаково-

символическими системами. Не случайно нарушения мышления всегда связывались нейropsychологами в большей степени с корковой патологией левого полушария (у правшей).

Например, при поражении левой височной области на фоне акустико-мнестической или сенсорной афазии наблюдаются затруднения в выполнении последовательных дискурсивных операций, основанных на использовании речевых связей или следов. Такие же проблемы возникают и при решении задач, не требующих речевого сопровождения, но предполагающих удерживание речевого материала в памяти. Хорошими иллюстрациями могут служить примеры решения пациентами задач на устный счет (Бейн Э.С., 1962; Лурия А.Р., 1962; Цветкова Л.С., 1995, 2004). При этом наглядно-образное мышление обнаруживает относительную сохранность. Аналогичным образом можно рассматривать и другую категорию модально-специфических нарушений мышления, наблюдаемую у больных с поражениями теменно-затылочных отделов коры слева (здесь трудности пространственного анализа и синтеза возникают из-за ослабления или полного выпадения оптико-пространственного фактора).

Выделяют и модально-неспецифические нарушения мышления при локальных поражениях коры левого полушария. В отличие от вышеописанных, такие нарушения носят первичный характер и не обнаруживают связи с гностическими и мнестическими проблемами. Сюда можно отнести «кинетические» последствия поражений премоторной коры левого полушария, кратко упомянутые выше, а также распад самой структуры интеллектуальной деятельности при поражении префронтальной коры слева. Наряду с сохранностью понимания простейших вербально-логических отношений и аналогий, у пациентов с такими очагами наблюдаются выраженная интеллектуальная инактивность и нарушение избирательности семантических связей.

К числу перспективных направлений изучения мыслительной патологии с нейropsychологических позиций можно отнести выявление

специфики соответствующих синдромов у лиц с функциональной доминантностью правого полушария. Остаются актуальными и исследования нарушений мышления при поражении правого полушария. Необходимость синдромного анализа мыслительной деятельности особенно велика, когда речь идет о медико-социальной экспертизе, результаты которой ложатся в основу вывода об определении группы инвалидности и построения индивидуальной программы реабилитации.

Список использованной литературы:

1. Бейн, Э.С. «Афазия и пути ее преодоления». Издательство «Медицина», 1964.
2. Бизюк, А.П. Основы нейропсихологии: Учебное пособие. – СПб: Речь, 2005. – 293 с.
3. Визель, Т.Г. Основы нейропсихологии: учеб. для студентов вузов Т.Г. Визель. -- М.: АСТАстрель Транзиткнига, 2005.- 384 с.
4. Зейгарник, Б.В. Психология личности: норма и патология: Избранные психологические труды / Под ред. М.Р. Гинзбурга. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 416 с. (Серия «Психологи России»).
5. Лурия, А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. -- М.: Изд-во Московского Университета, 1962.
6. Хомская, Е. Д. Нейропсихология: 4-е издание. — СПб.: Питер, 2005. — 496 с.
7. Цветкова, Л.С. Мозг и интеллект: Нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности.— М.: Просвещение — АО «Учеб. лит.», 1995.—304 с.

8. Цветкова, Л.С. Нейропсихологическая реабилитация больных. Речь и интеллектуальная деятельность: Учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. — 424 с. — (Серия «Библиотека психолога»).

Личностные особенности девушек, склонных к виктимному поведению

*Данилова А.М., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва*

Научный руководитель – А.Ф. Ремеева

Термин «виктимное поведение» возник в рамках криминальной виктимологии и означает поведение жертвы. Анализируя научную литературу по проблеме виктимности и виктимогенности, мы пришли к выводу, что данная тема представляет достаточно широкое направление для изучения, и есть множество факторов, которые могут повлиять на выбор типа виктимного поведения и его реализацию.

Недостаточно исследованным вопросом является, на наш взгляд, исследование факторов, способствующих проявлению виктимного поведения девушек. Целью нашего исследования мы обозначили выявление взаимосвязи между виктимным поведением и используемыми копинг-стратегиями у девушек, воспитывающихся в полной семье, неполной семье и в центре содействия семейному воспитанию (девушки – сироты).

Исследование проводилось на базе трех учреждений: Государственного бюджетного учреждения г. Москвы Центр содействия семейному воспитанию «Гармония»; СОШ №4 г. Лобня, Московской области; Государственного бюджетного учреждения г. Москвы Центр поддержки семьи и детства «Зюзино».

В исследовании принимали участие девушки в возрасте от 15 до 18 лет, которые были разделены на три группы: Девушки, воспитывающиеся в полной семье; Девушки, воспитывающиеся одним родителем; Девушки, воспитывающиеся в центре содействия семейному воспитанию (сироты). Всего в исследовании приняли участие 60 человек.

В трех группах девушек были проведены следующие методики: «Методика исследования склонности к виктимному поведению»

Андронниковой О.О., опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, методика оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина, тест локус-контроля Дж. Роттера.

По «Методике исследования склонности к виктимному поведению» Андронниковой О.О. у 61,6% испытуемых выявлено виктимное поведение выше нормы. У остальных 38,3% виктимное поведение находится в норме, либо ниже нормы.

По результатам этой же методики выявлено, что девушки-сироты в большей степени склонны проявлять «зависимое виктимное поведение», «некритичное виктимное поведение», «реализованное виктимное поведение», чем девушки, воспитывающиеся в полной и неполной семье. Это говорит о том, что девушки-сироты демонстрируют неосмотрительность, не умеют правильно оценивать жизненные ситуации и чаще попадают в критические ситуации, чем девушки из полных и неполных семей.

По опроснику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса были получены следующие результаты: девушки-сироты реже, чем девушки из полной семьи, применяют базисную адаптивную копинг-стратегию «Поиск социальной поддержки». Можно предположить, что для девушек из полной семьи в кризисной ситуации семья выступает как социальная поддержка. И с помощью такого ресурса как семья девушки адаптируются к стрессовой ситуации и преодолевают ее. Но в данном случае нельзя утверждать, что девушки-сироты не адаптируются к кризисным ситуациям и не преодолевают их, т.к. мы не нашли статистически значимых различий по другим шкалам: «Конфронтационный копинг», «Дистанцирование» «Самоконтроль», «Принятие ответственности», «Бегство-избегание», «Планирование решения проблемы», «Положительная переоценка», а они также могут быть адаптивными и с помощью них можно эффективно преодолевать критические ситуации

По результатам методики оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина, мы можем наблюдать у девушек-сирот тенденцию к большему

проявлению ситуативной тревожности, чем у девушек из полных семей и у девушек из неполных семей.

В группе девушек из полной семьи была выявлена сильная связь между шкалами «Активное виктимное поведение» методики Андронниковой О.О. и ситуативная тревожность методики оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина.

В группе девушек из неполной семьи выявлены три отрицательные связи у шкал «Активное виктимное поведение» и «Принятие ответственности», «Некритичное виктимное поведение» и «Поиск социальной поддержки», «Поиск социальной поддержки» и личностная тревожность. Это говорит о том, что чем чаще применяются такие адаптивные копинг-стратегии как «Принятие ответственности», «Поиск социальной поддержки», тем реже проявляется виктимное поведение и уменьшается личностная тревожность.

В группе девушки-сироты две положительные связи: «Пассивное виктимное поведение» и личностная тревожность, ситуативная тревожность и «Бегство». Исходя из данного результата, можем предположить, что виктимное поведение может влиять на тревожность и наоборот, а неадаптивные копинг-стратегии, также могут быть связаны с проявление тревожности и с неправильной оценкой кризисной ситуации.

Наше исследование было направлено на изучение взаимосвязи между склонностью к виктимному поведению и проявлением совладающего поведения. Также мы планировали выяснить, влияет ли семья и семейное воспитание на формирование этих двух форм поведения. В исследовании мы сравнивали три группы девушек и то, как их семейный статус влияет на проявление виктимного поведения и выбор копинг-стратегий. Наша работа показала, что семья и внутрисемейные отношения могут оказывать влияние на формирование неадаптивных форм поведения. Также стало понятно, что виктимное поведение и копинг-стратегии имеют ряд взаимосвязей: прямая связь часто наблюдается у виктимного поведения и у неадаптивных копинг-

стратегий, а обратная связь у виктимного поведения и адаптивных копинг-стратегий.

Индивидуально-психологические особенности личности и поведения насильственных преступников

*Дятлова О.В., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – Ю.С. Калягин*

Распространенность насильственных преступлений и их высокая общественная опасность обуславливают актуальность данного исследования. В отечественной и зарубежной криминальной психологии выделяют два типа агрессивно-насильственных преступников: импульсивно совершившие преступление и заранее его запланировавшие. Изучение этих типов насильственных преступников на сегодняшний день, несомненно, представляет большой интерес и является актуальным в сфере отечественных психологических исследований. Преступления против жизни и здоровья, совершенные импульсивно, под влиянием момента, представляются особенно опасными ввиду непредсказуемости последствий действий преступника. Мы в своем исследовании попытались понять, какие личностные черты присущи насильственным преступникам с различными уровнями агрессивности, и как индивидуально-психологические особенности таких преступников связаны с импульсивностью поведения.

Целью исследования было определение зависимости импульсивности поведения от индивидуально-психологических особенностей личности насильственных преступников, обусловленных различной степенью агрессивности личности. Проверке подлежала гипотеза о том, что индивидуально-психологические особенности личности, обусловленные выраженностью агрессивных проявлений, являются детерминирующим фактором импульсивного противоправного поведения насильственного преступника.

Материал исследования сформирован при прохождении практики в ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве. Исследовались лица, осужденные за насильственные преступления, совершенные импульсивно, отбывающие условное наказание, а так же находящиеся на условиях досрочного освобождения. Всего опрошено 40 человек, в возрасте от 18 до 59 лет, совершивших преступления против жизни и здоровья, осужденных по следующим статьям УК РФ: 111, 112, 115, 116, 131, 132, 133, 162 ч.1, 318.

Исследование было направлено на диагностику выраженности индивидуально-психологических особенностей, в частности выраженности агрессивности личности, а так же импульсивности поведения. Для исследования использовались следующие методики:

1. Шкала импульсивности Барратта BIS-11;
2. Личностный опросник агрессивности Басса-Перри (“BPAQ”);
3. 16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттела (Форма С).

Также использованы метод наблюдения, беседы, эксперимента, метод анализа юридических документов (материалов уголовных дел). Процедура статистической обработки результатов исследования производилась с помощью программы SPSS 16, применялись: одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова, t-критерий Стьюдента для независимых выборок и непараметрический критерий хи-квадрат Пирсона.

В результате проведенного эмпирического исследования были сделаны следующие выводы:

1. Насильственным преступникам, как с низкими, так и с высокими показателями общей агрессивности личности, свойственна повышенная склонность использования физической силы против другого лица, что обуславливает направленность поведения на устранение и разрушение возникающих препятствий.
2. Установлены значимые различия между группами с высокой и низкой агрессивностью личности по параметрам эмоциональной чувствительности, дипломатичности и когнитивной стабильности, а следовательно, группы

различаются по исследуемым индивидуально-психологическим особенностям и импульсивности личности.

3. Для насильственных преступников с низким уровнем агрессивности личности характерны меньшая эмоциональная чувствительность, рассудочность в суждениях, дипломатичность, эмоциональная выдержанность, проницательность, осторожность, а так же большая терпимость, уступчивость, консервативность, склонность к морализации и нравоучениям по сравнению с насильственными преступниками с высоким уровнем агрессивности личности. В свою очередь, насильственные преступники с высоким уровнем агрессивности личности более эмоциональны, прямолинейны, непроницательны, эгоцентричны, раздражительны, обладают более радикальными взглядами и недоверчивы к авторитетам.

4. Насильственным преступникам с высокой агрессивностью личности более свойственны поспешные поступки, совершенные без обдумывания, под влиянием момента, сниженная способность контролировать свои действия и планировать их отдаленные результаты, невнимательность к деталям, неорганизованность и спонтанность мыслительной деятельности.

5. Насильственные преступники с низкой агрессивностью личности в большей степени проявляют: способность концентрировать и удерживать внимание, готовность к длительному напряжению и стабильность мыслительной деятельности.

6. В группе насильственных преступников с низкой личностной агрессивностью обнаружены следующие закономерные влияния индивидуально-психологических особенностей личности на импульсивное поведение:

1) уровень общей импульсивности связан с такими особенностями личности, как эмоциональная сдержанность, социальная пассивность, подозрительность, склонность к ревности, хладнокровие и уверенность в

себе, независимость, ориентация на собственные решения, вспыльчивость и переживание чувства несправедливости;

2) уровень интеллектуальной концентрации связан с такими особенностями личности, как прямолинейность, бестактность, непосредственность и недисциплинированность;

3) на уровень импульсивности внимания влияют такие особенности личности, как эмоциональная неустойчивость, неорганизованность, безответственность и беспринципность.

7. В группе насильственных преступников с высокой личностной агрессивностью обнаружены следующие закономерные влияния индивидуально-психологических особенностей личности на импульсивное поведение:

1) уровень моторной импульсивности связан с такими особенностями личности, как консерватизм, сопротивление переменам и узость интеллектуальных интересов;

2) уровень общей импульсивности связан с такими особенностями личности, как эмоциональная сдержанность, социальная пассивность, самоуверенность, гибкость в суждениях и практичность;

3) с уровнем произвольной саморегуляции связаны такие особенности личности, как эмоциональная сдержанность, социальная пассивность, ориентация на внешнюю сторону событий, конкретное мышление и воображение;

4) со способностью к планированию связаны такие особенности личности, как подозрительность, эгоцентричность, склонность к ревности, раздражительность;

5) с уровнем интеллектуальной концентрации связаны такие особенности личности, как упрямство, напористость, своеобразие, склонность к лидерству и доминированию;

6) уровень самоконтроля связан с такими особенностями личности, как эмоциональная неустойчивость, раздражительность, некритичность и низкая

дисциплинированность, консерватизм, сопротивление переменам и узость интеллектуальных интересов;

7) способность к планированию связана с такими особенностями личности, как эмоциональная сдержанность, осторожность, социальная пассивность;

8) с уровнем импульсивности внимания связаны такие особенности личности, как консерватизм, сопротивление переменам и узость интеллектуальных интересов, низкая дисциплинированность, потворство желаниям, зависимость от настроений.

8. Связь индивидуально-психологических особенностей личности с импульсивностью в группах насильственных преступников с низкой и с высокой агрессивностью личности различается, что подтверждает гипотезу, поставленную в данном исследовании. То есть индивидуально-психологические особенности личности, обусловленные выраженностью агрессивных проявлений, являются детерминирующим фактором импульсивного противоправного поведения насильственного преступника.

Психологические особенности почерка девиантных подростков

*Емелина А.О., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва*

Научный руководитель – И.Н. Коноплева

Индивидуальные особенности почерка определяются как совокупность тех особенностей, которые присущи только одному человеку, которых нет у других. В то время, когда человек обучается письму, у него вырабатывается определенный навык письма, а также формируются удобные и привычные движения. Как раз в процессе тренировок и выявляется, что некоторые движения при написании элементов букв неудобны и несвойственны человеку, именно из-за этого и происходит приспособление движений к личностным особенностям, то есть пишущий пытается найти для себя оптимальную систему движений. В процессе приспособления в почерке можно увидеть некоторые отклонения в письме, и именно эти отклонения означают начало формирования своего индивидуального почерка.

С помощью графологического анализа можно определить присутствует ли у подростка тревога, агрессия, вспыльчивость, нерешительность и т.д. Все эти психологические особенности проявляются в почерке, в отдельных элементах букв, в полях, в высоте букв и т.д. В данной работе проведено исследование именно в этой области и проанализированы результаты взаимосвязи агрессивности и тревожности с почерком девиантных подростков, выявлено то, насколько результаты диагностических методик и почерка схожи, и как именно проявляется агрессивность и тревожность в почерке.

Исследованиями в области графологии занимались ученые еще в 18 веке, но до сих пор существует проблема, которая заключается в том, что в настоящее время многие ученые спорят о взаимосвязи особенностей почерка с психологическими и индивидуальными особенностями пишущего. Это

обуславливается тем, что почерк зависит от строения руки и пальцев, что ручка и бумага оказывают большее влияние на почерк, чем характер и психологическое состояние. Существует также мнение о том, что именно школьная система определяет почерк, что почерк не может отражать личностных особенностей, так как он меняется с годами, а также то, что пишущий может произвольно изменять свой почерк.

Цель исследования состоит в изучении психологических особенностей почерка девиантных подростков.

При проведении исследования были использованы:

1. Опросник BRAQ (Buss-PerryAggressionQuestionnaire, 1992), разработан А. Бассом и М. Перри для диагностики склонности к агрессии.
2. Тест «Исследование тревожности» (Опросник Спилбергера).
3. Заготовленный текст для исследования почерка.

База исследования: Государственное образовательное учреждение Специальная общеобразовательная школа открытого типа для девиантных подростков № 2. В исследовании приняли участие 23 учащихся подросткового возраста.

По Опроснику BRAQ были получены следующие результаты: у 35% испытуемых был выявлен явно выраженный признак склонности к агрессии, в пределах нормы данный признак находился у 61% учащихся и лишь у 4% данный признак отсутствовал или был незначительно выражен.

Подростки в своем возрасте часто склонны проявлять агрессивное поведение. Если родители будут игнорировать агрессивное поведение, то подросток найдет одобрение в таком поведении у своих сверстников и своего круга общения. Кроме этого, на агрессивное поведение может повлиять и тот факт, что существуют запреты в нарушении общепринятых правил, и подросток пытается проверить, каким будет наказание. Если родители игнорируют агрессивное поведение своего ребенка, то это может послужить для него некоторым одобрением в данном поведении.

Агрессивное поведение является физическим или вербальным поведением, которое направлено на то, чтобы причинить вред кому-либо. Проявление агрессии в прямой форме означает, что человек не скрывает своего агрессивного поведения от окружающих. Такой человек может открыто вступать в конфликты, проявлять агрессию в своих действиях, а также может высказывать угрозы в сторону кого-то. Также агрессия может проявляться и в косвенной форме, когда она скрывается под сарказмом, иронией, личной неприязнью, тем самым оказывая давление на жертву.

По Тесту «Исследование тревожности» (Опросник Спилбергера) были подсчитаны результаты и сделаны следующие выводы: умеренный уровень ситуативной и личностной тревожности выявлен у 31% опрошенных; умеренный уровень ситуативной тревожности и высокий уровень личностной тревожности – 17%; высокий уровень ситуативной и личностной тревожности – 22%; высокий уровень ситуативной тревожности и умеренный уровень личностной тревожности, но близок к высокому – 4%; низкий уровень ситуативной и личностной тревожности – 4%; высокий уровень ситуативной тревожности и умеренный уровень личностной тревожности – у 13% опрошенных; умеренный уровень ситуативной тревожности и низкий уровень личностной тревожности – у 9% учащихся.

Тревожность в подростковом возрасте связана с расстройством настроения в этот период. Данная тревога в этом возрасте обусловлена тем, что подросток переживает кризис – частая смена настроения, эмоциональная неустойчивость. Смене настроения способствует много факторов: изменение статуса внутри семьи, начало самостоятельности, смена ведущей деятельности, общение со сверстниками и т.д.

Подросток может и не проявлять тревожность в своем поведении, но по ее уровню можно определить, насколько часто у ребенка возникает чувство тревоги. Подростки, склонные испытывать чувство тревоги, воспринимают окружающий мир как угрозу, опасность.

По многочисленным исследованиям тревожность у ребенка развивается из-за внутреннего конфликта, который может быть вызван тем, что ребенку предъявляют противоречивые требования (родители не пускают его в школу из-за плохого самочувствия, а учитель ставить плохую отметку); неадекватные требования (ребенок плохо учится и родители это не принимают); конфликты, связанные с оценкой успешности и неуспешности в различных сферах деятельности; нарушения взаимодействия с семьей.

Можно предположить, что тревожность возникает и закрепляется тогда, когда не удовлетворены актуальные на тот момент потребности. Тревожность может быть частым проявлением в жизни человека в любой ситуации, а может возникать и в конкретных ситуациях.

Также на возникновение тревожности влияет неуверенность в себе, заниженная самооценка, трудное принятие решений, трудность в общении со сверстниками. С возрастом тревога сосредотачивается на взаимодействии с семьей, школой и т.д. В подростковом возрасте тревожность выражается в волнении, беспокойстве в учебе, в отношении к себе, отрицательная оценка со стороны взрослых и сверстников. Из-за этого ребенок может ощущать свою неполноценность, неуверенность в своем поведении и в принятом решении. Также на закрепление и возникновение тревожности в подростковом возрасте влияет учебный процесс: много домашних заданий, много уроков в день, разногласия с педагогами и родителями, оценка педагога, а также смена школы и смена круга общения.

Итак, возникновение, развитие и закрепление тревожного состояния может негативно сказаться на подростка и на его будущем. Подростки зачастую могут оказываться в тревожной ситуации, что может повлечь за собой ухудшение результата деятельности.

Анализируя тест по исследованию почерка у девиантных подростков, получены следующие результаты: агрессия явно выявлена у 43% тестируемых; в незначительной степени – у 17%; не выявлено агрессии в

почерке у 39% опрошенных; тревожность присутствует у 61% тестируемых, у 39% по результатам исследования почерка – она отсутствует.

Признаки, которые подтверждают наличие агрессии в почерке: у тех испытуемых, у которых была выявлена агрессия в почерке, написанный текст был очень плотным, расстояние между словами, буквами и строками было минимальное или же наоборот практически отсутствовало, у испытуемых также строки залезали одна на другую, поля отсутствовали и у некоторых буквы даже не умещались на листе. Также признаком агрессивности служил угловатый почерк, размашистые и крупные буквы и слова, иногда строки и расстояние менялись, нажим был сильным, что свидетельствует об агрессии в почерке.

У 61% тестируемых в почерке была выявлена тревожность, которая также была выявлена в тесте. На почерк влияет обстановка, настроение, письменные приборы и т.д. – и это все внешние факторы, влияющие на почерк. При письме были замечены следующие признаки: неравномерный наклон при письме, слабый и неравномерный нажим, неравномерное направление строк, то есть строки имеют тенденцию спускаться вниз, но человек в тревожном состоянии всегда пытается выровнять строку из-за этого и происходит неравномерное написание строчки, но так как невозможно постоянно думать о правильном написании строки, то строчки снова опускаются вниз. Также тревожность проявляется в недописывании строк до конца, то есть человек оставляет большой промежуток в конце строчки – это может говорить о том, что человек неуверен в себе. Еще один признак, который свидетельствовал о тревожности – это неровные линии, разного размера буквы и промежутки. Люди с тревогой зачастую не дописывают буквы или элементы буквы, иногда и вовсе могут пропускать слоги в словах. Тревожность проявляется также и в полях: поля справа могут быть широкими, неровными или вообще могут отсутствовать. Тревожность проявлялась еще в ошибках, которые испытуемых допускали в словах.

Объединив результаты исследований по всем 3 методикам, выявлено: агрессия явно выражена у 43% испытуемых (по результатам исследования почерка), у 4% из них в тесте этого не выявлено; в незначительной степени агрессия выражена у 18% испытуемых, у 9% тест это не подтвердил.

Тревожность выявлена у 61% прошенных. В почерке и в тестах она также присутствует, у 39% – в почерке признаки тревожности отсутствуют.

Проведя исследование и анализируя результаты, необходимо сделать вывод, что гипотеза подтвердилась. Тревожность и агрессивность были выявлены как по результатам тестов, так и по исследованию почерка девиантных подростков.

Исследование особенностей родительского отношения у матерей, больных шизофренией, в зарубежной психологии

*Журавлева Е.В., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва*

Научный руководитель – Н.В. Дворянчиков

Шизофрения является хроническим психическим расстройством с до сих пор неизвестной этиологией, имеет прогрессирующее течение и в тяжелых случаях приводит к формированию специфического личностного дефекта, проявляющегося прогрессирующим эмоциональным снижением вплоть до эмоциональной тупости, нарастающим аутизмом, нарушениями ассоциативного процесса мышления, снижением волевой активности и амбивалентностью. Психологами и психиатрами, придерживающимися различных теоретических подходов, были предложены модели заболевания, предлагающие гипотезы его возникновения, объясняющие клинические симптомы, особенности течения. К настоящему времени наиболее разработанными являются следующие теоретические модели шизофрении: биологические, психогенетические, когнитивно-бихевиоральные, культурно-историческая, экзистенциально-гуманистические, системные семейные и биопсихосоциальные. Исследования шизофрении у больных выявляют специфические нарушения когнитивной и эмоциональной сферы, проявляющихся в разной степени. Согласно результатам зарубежных исследований лица, страдающие психическими расстройствами, являются родителями почти так же часто, как лица, психическими расстройствами не страдающие (Goodman Sh.H., 1999; Brumley H.E., 1990; Seeman M.V., 2010; Taylor V., 2011; Gearing R.E., 2012; Alonzo D., 2012; Marinelli C., 2012).

В ряде случаев матери, страдающие шизофренией, оказываются неспособными исполнять родительские обязанности и, более того, могут представлять для ребенка опасность. В судебной психиатрии широко

известны исследования особенностей клинической картины шизофрении у женщин, совершивших убийство своего ребенка, выделены клинико-психопатологические факторы, определяющие общественную опасность женщин (Качаева М.А.). Как показывает анализ соответствующей литературы, при шизофрении на способность выполнять родительские функции большое влияние оказывают следующие факторы:

1. Возраст начала заболевания. Чем раньше появились первые признаки шизофрении, тем менее сформированной будет родительская функция у женщины.
2. Клиническая форма заболевания и тип течения.
3. Особенности клинической картины, как в периоды обострений, так и во время ремиссий.
4. Критичность.
5. Наличие социальной поддержки (Брутман, В.И., 2003).

Однако данные исследования не раскрывают особенностей психологического отношения матерей, страдающих шизофренией, к ребенку, их родительской позиции.

Согласно современным представлениям, роль матери в онтогенетическом развитии ребенка очень велика. Влиянию взаимоотношений с матерью на развитие ребенка посвящены работы З. Фрейда, Э. Эриксона, Д. Винникотта, Дж. Боулби, Л.С. Выготского, М.И. Лисиной и др. психологов (Карабанова О.А., 2005, Шведовская А.А., 2006).

Проблемой выполнения родительских функций женщинами, страдающими шизофренией, начали интересоваться в первой половине двадцатого века. Наибольшего развития эта проблема получила в странах Англии и США (Goodman Sh.H., 1999; Brumley H.E., 1990; Seeman M.V., 2010; Taylor V., 2011; Gearing R.E., 2012; Alonzo D., 2012; Marinelli C., 2012). К сожалению, большинство исследований было направлено на выявление недостатков такого материнства. Примером может быть исследование Goodman, Sh. H. с соавторами, согласно результатам которого качество

родительства у матерей, страдающих шизофренией, ниже, чем у здоровых матерей и женщин, страдающих депрессией (1999). Негативные последствия воспитания ребенка в семьях, где мать страдала шизофренией, были выявлены также В. Тейлор (2016). Согласно результатам, полученным автором при исследовании молодых людей, росших с больной матерью, у них имелись личностные и социальные нарушения, являвшиеся результатом психотравмирующего детского опыта. Дети испытывали чувство вины за болезнь своих матерей, сами боялись заболеть шизофренией, боялись быть неадекватным родителем в будущем, испытывали депрессию и тревогу по поводу ситуации и жизни вообще, у них выявлялась заниженная самооценка.

Однако в ряде исследований было показано, что матери, страдающие шизофренией, могут быть «эффективными родителями». Такие результаты были получены, в частности, М. V. Seeman, (2010). При этом автор установила, что наносимый ребенку, воспитывающемуся в такой семье, вред часто бывает связан не с имеющимся у матери психическим расстройством, а с другими рисками: бедностью, домашней жестокостью, сексуальным насилием, социальной изоляцией, условиями проживания и т.д. В другом исследовании было показано, что при соответствующей поддержке специалистами мать, страдающая шизофренией, способна выполнять свои родительские функции фактически наравне со здоровой матерью (Healy Dr.S.,2016; Lewin Dr.J.,2016; Seth-Smith Dr.F., 2016). Таким образом, зарубежные авторы подчеркивают огромную роль в успешности материнства женщин, страдающих шизофренией, социальных факторов и социальной поддержки. В то же время отмечено, что матери, страдающие шизофренией, уклоняются от обращения за помощью, так как они боятся быть лишены родительских прав (Hearle J., Plant K., Jenner L., Barkla J., McGrath J., 1999).

Вывод: проблема оценки особенностей воспитания детей в семьях, где матери страдают шизофренией, является актуальной для клинической психологии, судебной психологии, судебной психиатрии и требует дальнейшего исследования. Одним из условий эффективного материнства

больных шизофренией является адекватная медицинская, психологическая и социальная поддержка.

Список использованной литературы:

1. Брутман, В.И., Морозова, К.В. Состояние материнской сферы у больных шизофренией // Журнал практического психолога. – 2003. – № 4–5. – С. 158–169.

2. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : Учебное пособие / О.А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.

3. Клиническая психология : в 4 т.: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гаранян, М.С. Радионова и [и др.]. Частная патопсихология / под ред. А. Б. Холмогоровой. – М. : Издательский центр «Академия», 2012. – Т. 2. – 432 с.

4. Шведовская, А.А. Особенности переживания детско-родительских отношений и взаимодействие с родителями детей старшего дошкольного возраста : дис. ... док. псих. наук / А.А. Шведовская. – Москва, 2006. – 246 с.

5. Goodman, Sh. H., Brumley, H. E. Schizophrenic and depressed mothers: Relational deficits in parenting // *Developmental Psychology*. – Jan 1999. – Vol 26(1). – P. 31- 39.

6. Hearle, J., Plant, K., Jenner, L., Barkla, J., McGrath, J. A survey of contact with offspring and assistance with child care among parents with psychotic disorders // *Psychiatry Serv.* – 1999. – Vol. 50. – P.1354-1356.

7. Seeman, M. V. Parenting Issues in Mothers with Schizophrenia Current Women's Health Reviews // Department of Psychiatry, Centre for Addiction and Mental Health, University of Toronto, Ontario. – Canada, 2010. – Vol. 6(1). – P. 51–57.

8. Sarah, J. H., Lewin, J., Butler, St., Vaillancourt, K., Seth-Smit, F. Affect recognition and the quality of mother-infant interaction: understanding

parenting difficulties in mothers with schizophrenia // Archives of Women's Mental Health. – February 2016. – Vol. 19, Issue 1. – P. 113-124.

9. Taylor, V. Children of Schizophrenic Parents Share this with a friend Follow Schizophrenia Support [Электронный ресурс] // Schizophrenic.com. – 2011. – April 26, – URL: <http://www.schizophrenic.com/articles/schizophrenia/children-schizophrenic-parents> (дата обращения: 04.02.2016).

Влияние криминальной субкультуры на несовершеннолетних

*Зигуля К.Ю., студентка Башкирского
Государственного Университета (г. Уфа)*

Научный руководитель – И.Е. Козырева

Сегодня криминальная субкультура стала неотъемлемой частью культуры общества в целом. О воровских традициях и обычаях снято большое количество красивых фильмов, тюремный жаргон прочно вошел в наше ежедневное общение, так называемые «воры в законе» пользуются авторитетом не только среди «своих», но и среди обычных граждан. Всё это ведет к тому, что престиж криминальной субкультуры и незаконных группировок возрастает, а значит усиливается желание молодого поколения стать частью преступного мира, что в свою очередь, как показал исторический опыт, ведет к росту преступности в стране.

В силу возраста у подростков еще не сформирована система ценностей и установок, поэтому несовершеннолетние считаются самой «уязвимой» частью общества и характеризуются особой восприимчивостью к воздействиям со стороны. Это говорит о том, что они легко поддаются влиянию взрослых, друг друга и, соответственно, легко «впитывают» элементы криминальной субкультуры и вступают в преступные сообщества.

Необходимо начать с того, что в обязанность каждого из участников преступного сообщества входит вовлечение молодежи в криминальную среду («пополнение кадров») и соответственно, приобщение подростков к «воровским» традициям и обычаям. Это является весомым обстоятельством, способствующим криминализации несовершеннолетних.

Криминальная субкультура является мощным фактором, негативно воздействующим на личность и поведение подростка (Голуева М.М., 2010). Несовершеннолетним в определенный период их развития (переходный возраст) свойственно девиантное поведение, то есть отрицание норм и

правил, принятых в обществе. Это сближает их с носителями криминальной субкультуры потому, что последняя также имеет своей целью противостояние общепринятой культуре. Для представителей преступного мира характерно социальное и психологическое отчуждение, которое влечет тяготение к себе подобным и к образованию криминальной субкультуры (Зеленский А.Ф., 1999).

Также носители уголовной субкультуры характеризуются прекрасными психологическими качествами, которые дают им возможность беспрепятственно подавлять волю подростка и успешно манипулировать «подопечным». Большую роль в возникновении шаяк сыграл преступный мир, который в определённый период времени «освоил» подростковые компании и преобразовал их в хорошо организованные группировки (Салагаев А.Л., 2004). В криминальной субкультуре доминирует личность «вора в законе» – «живущего правильно», «порядочного уголовника». Он считается человеком, обладающим достойными волевыми и моральными качествами: решительностью, мужественностью, упорством, готовностью к самопожертвованию за «братву», уважительным отношением к старшим и пожилым людям и многими другими. Судьба авторитетов всегда преподносится как достойная уважения. Всё вышеперечисленное формирует в сознании несовершеннолетнего справедливый и честный уголовный мир, который противостоит реальной окружающей действительности, что также способствует возникновению у подростка желания стать частью криминального сообщества.

Статистика свидетельствует о том, что подростки склонны совершать преступления в группах. Это происходит потому, что у несовершеннолетних обострено чувство страха, а действуя в сообществе подросток ощущает надежность, при этом боязнь наказания заглушается, а в процессе подражания старшим усиливаются агрессия и жестокость.

Следующим аспектом, способствующим негативному влиянию криминальной субкультуры на несовершеннолетних, является ложная

расстановка ценностных ориентиров. На сегодняшний день для молодежи наиболее значимы такие ценности, как: социальный статус, деньги, дорогая одежда, роскошный автомобиль, посещение ресторанов и клубов, отдых на престижных курортах. Из всех видов деятельности самой достойной считается коммерческая. Потеряли свою привлекательность такие ценности, как получение образования, профессии, создание крепкой семьи (Пирожков В.Ф., 1994). Криминальные сообщества, вовлекая в преступную среду несовершеннолетних, обещают им все вышеперечисленное. Как правило подростки из неблагополучных семей, не имея достаточных финансовых возможностей, охотно вступают в преступные группы.

Кроме того, криминальные обычаи и традиции привлекают подростков своей таинственностью, романтизмом и популярностью. Распространению криминальной субкультуры способствует рост количества детективной литературы, фильмов о красивой жизни криминальных сообществ, в которых смакуются элементы преступной деятельности, роль, место, значение и влияние каждого члена преступного сообщества на общественную жизнь, причем в основном, путем преувеличения такого влияния (Гусев М.В., 2007). Ежедневно в средствах массовой информации и печатных изданиях мелькают слова из уголовного жаргона: «беспредел», «лавэ», «бабки», «балдеть», «барахло», «по блату», «глазеть», «гудеть» и др. С экранов телевизоров исполняют «блатные» песни знаменитые певцы и группы (Шуфутинский, Розенбаум, Высоцкий, Круг, «Лесоповал», «Бутырка» и др.). На радио есть даже целые каналы этой направленности («Шансон», «Автордио»). Все это негативно сказывается на воспитании молодого поколения.

При рассмотрении влияния криминальной субкультуры на несовершеннолетних необходимо также упомянуть о криминальной субкультуре в контексте самостоятельной субкультуры подростков.

Причины возникновения самостоятельной криминальной субкультуры несовершеннолетних достаточно многообразны. Анализируя научную

литературу по данному вопросу, можно выделить три основных предпосылки для появления криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних:

1) криминальная субкультура несовершеннолетних, как таковая, не возникла сама по себе, а является заимствованной субкультурой преступного сообщества, в результате процесса подражания подростков криминальным группам;

2) криминальная субкультура несовершеннолетних появилась как самостоятельное явление, на основе неформальных объединений молодежи;

3) криминальная субкультура несовершеннолетних является результатом общения несовершеннолетних со своими родственниками/знакомыми, которые отбывали наказание в местах лишения свободы.

Все причины взаимосвязаны между собой, и каждая из них в конкретном случае будет являться первостепенной. Кроме того, криминальная субкультура обладает жизнеспособностью: берет свое начало в тюрьмах «царской» России и существует по сей день. Это говорит о том, что рассматриваемый феномен не только успешно подстраивается под любые социально-экономические условия, но и передает «воровские» традиции и обычаи из поколения в поколение.

Из вышесказанного следует, что несовершеннолетние легко «впитывают» элементы криминальной субкультуры в силу своего возраста и подверженности влиянию извне, и с легкостью вступают в преступные сообщества. Также подростки, пытаясь самоутвердиться и самореализоваться, стремятся подражать носителям криминальной субкультуры и пытаются стать неформальными лидерами в своей среде. Это приводит к трансформации элементов преступной и тюремной субкультур в обособленную криминальную субкультуру несовершеннолетних с присущими только ей особенностями.

Список использованной литературы:

1. Голуева М.М. Специфика негативного влияния субкультуры на развитие личности подростка // Вестник ТГПУ. - 2010. - № 5 (95). - С. 153-158.
2. Гусев М.В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России // [Вестник Кузбасского государственного технического университета](#). - 2007. - № 5. - С. 112-115.
3. Зеленский А.Ф. Криминальная психология. - М.: Юринком Интер, 1999. - 240 с.
4. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). - Тверь: ИПП «Приз», 1994. - 72 с.
5. Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Молодежные группировки – опыт пилотного исследования // СоцИс. - 2004. - № 9. - С. 50-58.

Влияние телесного контакта на эмоциональную сферу человека

Кудравец В.В., студентка Московского

*государственного психолого-педагогического
университета, Москва*

Научный руководитель – Н.В. Богданович

Телесный контакт в форме объятий играет важную роль в жизни. Потребность в нём испытывают все люди, особенно дети. Если ребёнок до 7 лет был лишён таких асексуальных телесных контактов, как правило, он вырастает неспособным к тёплым чувствам, страдает от непонимания окружающих и конфликтов с ними, не может приспособиться к жизни. Вирджиния Сатир, семейный терапевт, предлагает такую психологическую арифметику объятий: для выживания человеку необходимо обняться хотя бы 4 раза в день; для хорошего самочувствия — 8 раз, ну а 12 объятий важны для роста человека и его развития. Целью нашего экспериментального исследования было выяснить, как влияют объятия на самочувствие, активность, настроение, уровень стресса, а также агрессивность человека.

Экспериментальное исследование проводилось индивидуально, в течение 14 дней. Выборка состояла из 10 человек (5 девушек и 5 юношей) — студентов психологического факультета. Средний возраст участника составляет 20.4 лет. До и после исследования каждый испытуемый проходил «Тест руки» (HandTest) Э. Вагнера, далее ежедневно после объятия заполнял методики САН и Методика цветовых выборов М. Люшера. Выбор партнёра, с которым нужно будет обниматься, испытуемые делали сами, однако было выражено пожелание, чтобы на протяжении всего эксперимента был один и тот же человек, близкий (родственник, друг, подруга). Для двух участников (1 юноша и 1 девушка) условия исследования были усложнены: им требовалось заполнять методики до и после объятий. Все испытуемые проявили заинтересованность в процессе эксперимента, задавали уточняющие вопросы (нужно ли делать методики до объятий, про что

исследование, с кем обниматься и т. д.) В течение всего исследования с ними поддерживалась связь по социальной сети, при необходимости делались напоминания о прохождении методик. К сожалению, несколько человек, изначально согласившихся на участие в исследовании, так и не прошли его.

В результате проведения исследования получены такие результаты:

1. По методике САН: в целом можно заметить, что у девушек показатели настроения, самочувствия и активности в первой половине исследования выше, чем у юношей. Но у молодых людей показатели стабильнее. У испытуемых, выполнявших методику САН до и после объятий, все показатели увеличиваются, в особенности у девушки.

2. По данным методики М. Люшера на 3-й день эксперимента 60 % испытуемых (6 человек) испытали стресс (максимум за все время эксперимента), 50 % участников показывали высокий уровень стресса на протяжении 6 дней. Но стоит обратить внимание, что у 30 % выборки (2 девушки и 1 юноша) не обнаружилось стресса на протяжении всего эксперимента.

3. В методике «Тест руки» 50 % испытуемых продемонстрировали снижение агрессивности, у 40 % участников (3 юноши и 1 девушка) не было разницы в результатах до и после исследования, у 1 испытуемого уровень общей агрессивности увеличился.

Таким образом, можно предположить существование гендерных различий в реакциях на объятия. Девушки более кинестетичны, чем юноши. Можно сделать вывод, что девушки, как правило, реагируют на телесные контакты более положительно, чем юноши.

Снижение активности к концу исследования можно объяснить тем, что испытуемому приходилось выполнять однообразные методики на протяжении всего исследования, в частности автономность выполнения методик.

На результаты методики М. Люшера могли повлиять следующие факторы: участие в исследовании некоторых участников пришлось на время

сессии, что могло вызвать стрессовые реакции; личные проблемы участников; видимо, имеет значение объект объятий (лицо противоположного пола или родственник) и проявление инициативы обнять человека. Возможно эти же факторы могли повлиять и на результаты методики САН.

Наблюдение снижения общего уровня агрессивности у 5 испытуемых даёт все основания полагать, что телесные контакты действительно помогают человеку справляться с агрессивностью. Увеличение у 1 испытуемого уровня общей агрессивности может быть связано с опытом негативного воздействия телесного контакта в жизни.

В заключение следует сказать, что гипотеза подтверждена частично. В дальнейшем планируется продолжение экспериментального исследования, но с изменением условий проведения. Результаты данного исследования можно будет применить при коррекции девиантного поведения и его профилактики.

**Особенности воспоминаний дошкольного периода у
несовершеннолетних, совершивших преступление группового характера
и состоящих на учёте в уголовно-исполнительной инспекции**

*Левин Л.М., студент Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва*

*Бокова Н.В., сотрудник Научно – исследовательский
институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва*

Научный руководитель – М.Г. Дебольский

Актуальность изучения ранних воспоминаний у осуждённых обуславливается необходимостью обоснования или опровержения психологических концепций и теорий, говорящих о взаимосвязи самых первых воспоминаний и дальнейшего жизненного пути.

Одной из концепций, отводящих особую роль первым воспоминаниям человека, является концепция А. Адлера. По мнению Адлера, первые воспоминания – это фундамент для формирования самооценки, самоотношения и индивидуального стиля жизни [1]. Анализ ранних воспоминаний, по мнению автора концепции, является наилучшим способом раскрывающим ядро стиля жизни индивида - значения, которое человек придает миру и самому себе, его цели, направленность его устремлений и те подходы, которые он использует при решении жизненных проблем. Жизненная история, индивидуальный стиль поведения и разрешения различных ситуаций формируются на основе личных воспоминаний человека, а жизненный стиль конструируется в детстве и является средством разрешения жизненных ситуаций, который прослеживается в самых ранних воспоминаниях.

Цель исследования - выявление особенностей ранних воспоминаний у несовершеннолетних, совершивших преступление группового характера и состоящих на учёте в уголовно – исполнительной инспекции (далее - УИИ). Выборку составило 25 несовершеннолетних осуждённых, совершивших

групповые правонарушения и состоящие на учёте в УИИ. Возраст испытуемых - от 14 до 17 лет. В полной семье воспитывались 12 человек, а 13 – в неполной семье. Перейдём к рассмотрению содержания ранних воспоминаний осуждённых.

А. Адлер писал, что особое внимание стоит обращать на самое первое воспоминание человека о себе. Среди опрошенных подростков первое воспоминание относится к периоду 3 – 4 лет. Среди всех воспоминаний данного периода подростки отмечали празднование их дня рождения. Данное событие оценивается положительно, т.к. в эти дни собиралась вся семья и уделяла подростку внимание. Для некоторых осуждённых значимым моментом этого периода жизни была помощь родителям в украшении праздничного стола, в результате которой родные похвалили подростка.

Последующие воспоминания осуждённых относятся к периоду 5 - 7 лет. Для 13 ребят значимым воспоминанием было посещение детского сада, о котором подростки отзывались с теплотой. Для всех подростков важным было участие в спектаклях, что доставляло им радость. Несмотря на первоначальное волнение, впоследствии все ребята с удовольствием участвовали в данном мероприятии. Остальные осуждённые сказали, что не ходили в детский сад. В этот период ребята находились дома с дедушками и бабушками, а также гуляли с друзьями во дворе. Всё свободное время занимали различные подвижные игры, а также прогулки по месту проживания подростка: дворы разных домов, гаражи, спортивные и детские площадки (положительная оценка).

Наименьшую частоту имеют ещё несколько воспоминаний, но также очень значимы для осуждённых. Несколько ребят называли среди значимых событий поездки с родителями за границу. Подростки говорили, что им было важно именно то, что они проводили время с родителями, а не сама поездка. Ещё важным моментом из детства ребята называли игры вне детского сада, когда они играли с друзьями на детских площадках. В данном случае, ребята

рассказывали о подвижных играх на различных сооружениях, размещённых на детских площадках: горки, качели, лестницы и т.д.

При этом, стоит отметить, что подавляющее число воспоминаний, называемых несовершеннолетними, носили положительную окраску. События с отрицательной оценкой назывались в последнюю очередь.

Таким образом, можно сказать, что в ранних воспоминаниях несовершеннолетних осуждённых преобладают события, связанные с родными и близкими (семьёй), а также с друзьями. Исходя из воспоминаний, можно сказать, что наибольшей ценностью для подростков является время, проведённое со своей семьёй, а также доброжелательное отношение со стороны близких. Наибольшее значение для данной категории осуждённых имеют друзья и товарищи, т.к. в большинстве событий присутствуют ситуации с ними. Негативных воспоминаний, которые детерминировали бы стиль поведения, который бы сказался на девиантном поведении подростка, пока не выявлено. Но исследование продолжается.

Список использованной литературы:

1. Огор А.Ю., Дебольский М.Г. Научный взгляд на проблему ранних воспоминаний и самооценки преступников [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 3. С. 114–124. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72734.shtml> (дата обращения: 11.02.2016)

Об опыте построения рекомендаций по профилактике эмоциональной дезадаптации старшеклассников в период подготовки к ЕГЭ

Летфуллина Х. Р., студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва

Научный руководитель – З.В. Луковцева

Психологические и педагогические исследования проблемы школьной дезадаптации проводятся всё чаще. Сопоставляя различные компоненты данного явления по степени изученности, можно отметить, что наибольшее количество нерешённых вопросов касается эмоциональной дезадаптации. Немногочисленные работы на эту тему выполнены в основном с участием младших школьников. Эмоциональная дезадаптация старшеклассников чаще изучается в аспекте предэкзаменационного и экзаменационного стресса, причем преимущественное внимание уделяется её психофизиологическим механизмам. Что касается исследований существующих технологий психологической подготовки выпускников к ЕГЭ, то опубликованные на сегодняшний день данные нуждаются в дополнении и пересмотре с учетом современной реальности (Вострокнутов Н. В., 1995; Симатова О. Б., Космакова И. Э., 2014; Стрижиус Е. И., 2013; Лаптева Е. А., Любовцев В. Б., Мамалыга Л. М., 2013; Чибисова М. Ю., 2009).

Для старшего подросткового и юношеского возраста характерны частые стрессы, вызываемые интенсификацией учебного процесса и итоговой аттестацией. В связи с введением ЕГЭ и постоянными трансформациями этой процедуры актуально изучение психологических особенностей, влияющих на успешность сдачи экзаменов и сохранение психоэмоционального благополучия (Микляева А. В., Румянцева П. В., 2007; Стрижиус Е. И., 2013; Алимова М. А., 2014; Шаров А. А., 2014; Югова Н. Л., Симакова Н. Б., 2014).

Специфическими особенностями эмоциональной дезадаптации, связанной с подготовкой к итоговой аттестации, по мнению современных авторов, являются повышение уровня тревожности, конфликтности, агрессивности, возникновение депрессивных и некоторых других расстройств аффективного спектра, поведенческих и невротических расстройств и пр. Многие специалисты настаивают также на значимости оценки суицидального риска и риска возникновения иных форм отклоняющегося поведения в рассматриваемый период (Микляева А. В., Румянцева П. В., 2007; Стрижиус Е. И., 2013; МКБ-10; Алимова М. А., 2014; Шаров А. А., 2014; Югова Н. Л., Симакова Н. Б., 2014).

Опыт эмпирического изучения таких составляющих эмоциональной сферы 11-классников, как *аффекты, чувства и собственно эмоции*, позволили нам обнаружить незначительные дезадаптивные изменения последней составляющей. Они выражались в нарастании интенсивности генерализованных тревожных переживаний, внутренней напряжённости и беспокойства в последние недели перед ЕГЭ. Аффекты же и чувства не только не претерпевали негативных изменений при приближении итоговой аттестации, но даже обнаруживали позитивную динамику; так, по мере приближения ЕГЭ обследованные старшеклассники приобретали большую уравновешенность в ситуативном эмоциональном реагировании, формировали более ясное видение собственных жизненных перспектив и более позитивное самовосприятие. Исследование динамики суицидального риска, осуществленное нами в лонгитюде, также не выявило неблагоприятных тенденций.

Отметим, что менее благополучную картину дало изучение динамики аналогичных показателей у 10-классников при подготовке к тренировочным испытаниям в формате ЕГЭ. В этот период актуализировалась индивидуальная предрасположенность многих обследованных к тревожным переживаниям в самом широком спектре ситуаций; возростал уровень

негативизма и готовности к протестно-демонстративным реакциям на фоне обострения ощущения собственной несостоятельности; кроме того, именно на этом временном отрезке было обнаружено ослабление антисуицидальных тенденций. Соответствующие психологические механизмы и закономерности, на наш взгляд, нуждаются в более подробном изучении.

По нашим данным, ресурсным периодом, в течение которого происходила оптимизация психоэмоциональных показателей (в том числе — антисуицидальных), оказались летние каникулы между 10-м и 11-м классами. Несмотря на то, что на этом временном отрезке продолжался рост выраженности тревожных переживаний, были отмечены и важные компенсирующие тенденции. Например, сгладились депрессивные проявления у тех школьников, у которых они присутствовали ранее; возрос уровень оптимизма, жизнестойкости, веры в свои жизненные перспективы, интереса к уникальному потенциалу своей личности. Одновременно стала более заметной готовность к нахождению компромиссов, учёту позиции, ценностей и интересов окружающих, что говорит о повышении уровня социальной адаптации. В свете этого нарастание интенсивности тревожных переживаний можно рассматривать не как дезадаптивный феномен, а как проявление внутренней мобилизации в связи с ярким ощущением ответственности, серьезности текущего жизненного периода.

Рекомендации по психологическому сопровождению в период подготовки к итоговой аттестации должны строиться с учетом динамики показателей психоэмоциональной сферы старшеклассников. Описанные выше эмпирические данные позволяют нам обозначить первое полугодие 11-го класса как благоприятное время для глубинной психологической работы (психотерапии или длительной коррекции).

Мишенью психологического воздействия в это время могут быть внутриличностные проблемы, неадаптивные копинг-стратегии и психологические защиты и пр. Можно рекомендовать как индивидуальную,

так и групповую работу с глубоким эмоциональным «погружением», обсуждением серьёзных тем, затрагивающих и самосознание подростков, и их мировосприятие, и межличностные отношения. Полезными будут занятия по тренировке интеллектуально-мнестических возможностей, развитию мнемотехнических способностей. Главной задачей работы психолога в первом полугодии 11-го класса можно считать, таким образом, глубинную «подготовку почвы», оптимизацию того психоэмоционального фона, с которым старшеклассник подойдет к итоговому рубежу.

Что же касается второго полугодия 11-го класса, и, особенно, весеннего периода, то здесь уместна точечная коррекционная работа, помогающая совладать с индивидуальными, конкретными переживаниями (в частности, как показали результаты исследования тревожных переживаний в весенний период, актуальной может быть направленная работа с теми подростками, которые индивидуально предрасположены к повышенной тревожности).

Хотелось бы подчеркнуть, что реализация заявленных рекомендаций невозможна без психолого-педагогического сотрудничества, а также теснейшего взаимодействия психолога с семьями старшеклассников.

Список использованной литературы:

1. Алимова, М. А. Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция. Барнаул, 2014. — 100 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/1571246/> (дата обращения: 13.03.2015).
2. Вострокнутов, Н. В. Школьная дезадаптация: ключевые проблемы диагностики и реабилитации. // Школьная дезадаптация. Эмоциональные и стрессовые расстройства у детей и подростков. М. 1995.

3. Лаптева, Е. А., Любовцев, В. Б., Мамалыга, Л. М. Итоговая аттестация в формате ГИА и ЕГЭ: психофизиологические особенности состояния детей 9 и 11 классов при функциональной нагрузке, обусловленной сдачей экзаменов // Фундаментальные исследования. 2013. №7-3. Научная библиотека КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/itogovaya-attestatsiya-v-formate-gia-i-ege-psihofiziologicheskie-osobennosti-sostoyaniya-detey-9-i-11-klassov-pri-funktsionalnoy-nagruzke> (дата обращения: 11.03.2015).
4. Микляева, А. В., Румянцева П. В. Школьная тревожность: диагностика, коррекция, развитие. СПб.: Изд-во: Речь, 2007. 248 с.
5. Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10). [Электронный ресурс]. URL: <http://mkb-10.com/> (дата обращения: 12.03.2015).
6. Симатова, О. Б., Космакова, И. Э. Взаимосвязь продуктивности копинг-стратегий и результатов ЕГЭ у старшеклассников // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-produktivnosti-koping-strategiy-i-rezultatov-ege-u-starsheklassnikov> (дата обращения: 04.03.2015).
7. Стрижиус, Е. И. Влияние тревожности на результаты выпускных экзаменов (ГИА/ЕГЭ) у старшеклассников с различным уровнем успеваемости. // NB: Педагогика и просвещение. — 2013. — № 1. — С. 106-125. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_8799.html (дата обращения: 14.02.2015).
8. Чибисова, М. Ю. Психологическая подготовка к ЕГЭ. Работа с учащимися, педагогами и родителями. — М.: Генезис, 2009. — 184 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/384119/> (дата обращения: 16.01.2015).
9. Шаров, А. А. Современные подходы к психодиагностике суицидального риска. / Статья опубликована в рамках: XIX Международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI

столетия. Гуманитарные науки» (Россия, г. Новосибирск, 03 апреля 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://sibac.info/studconf/hum/xix/37554> (дата обращения: 26.02.2015).

10. Югова, Н. Л., Симакова, Н. Б. Профилактика суицидального поведения подростков: рекомендации, диагностические методики, тренинги, игры и упражнения. — Глазов, 2014 г. — 196 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://psy-edu.ru/wp-content/uploads/2014/12/Пособие.pdf> (дата обращения: 26.02.2015).

Гендерные различия в проявлении виктимности у подростков

*Лушкевич Т.И., студентка Барановичского
Государственного Университета,
г. Барановичи, Республика Беларусь
Научный руководитель – Т.И. Яценко*

Ролевая виктимность – это особое, динамическое сочетание игровых и социальных ролей, в основе которых лежат рентные установки, то есть особое состояние готовности к специфической реакции получения выгоды из своего неблагоприятного положения, возникающее на фоне необоснованной помощи и поддержки со стороны микро- и макроокружения, и оказывающее деформирующее влияние на личность и ее поведение.

Виктимных подростков отличают поведение, провоцирующее других людей на виктимизирующие воздействия, безответственность, необдуманность поступков, малая занятость, способные привести к воровству и бродяжничеству, что представляет серьезное препятствие для позитивного развития общества (Сарафанова, Л.В., 2011).

Исследование проходило на базе ГУО «Жемчужненская средняя общеобразовательная школа» Барановичского района Брестской области. Выборку исследования составили 100 подростков (50% мальчиков и 50% девочек) в возрасте 12-13 лет.

Целью нашего исследования было установить характер взаимосвязи образа «значимого Другого» и ролевой виктимности в подростковом возрасте.

Определение уровня ролевой виктимности у подростков осуществлялось с помощью опросника М.А. Одинцовой «Проявление виктимности в Вашем поведении» (Яценко Т. Е., 2014).

В работе вычислялся статистический критерий χ^2 -Пирсона.

Высокий уровень аутовиктимности (склонности к исполнению игровой роли жертвы) выявлен у 7% подростков. Они умеют манипулировать

другими, демонстрируя свои страдания и беспомощность и пытаясь получить поддержку, в которой, по собственным предположениям, нуждаются. Такие подростки инфантильны, демонстрируют свои несчастья и страдания, боятся ответственности, но, в то же время, общительны, контактны, умеют расположить к себе и сочувствовать, почти со всеми поддерживают хорошие отношения. У 12% подростков уровень аутовиктимности выше среднего. Для 72% подростков нехарактерно исполнение игровой роли жертвы в межличностных отношениях.

Очень высокий уровень аутовиктимности (сформированности позиции жертвы) выявлен у 9% учащихся. Они часто демонстрируют свои страдания и несчастья, постоянно жалуются, обвиняют других и всячески при помощи манипуляций стремятся привлечь внимание и помощь от окружающих. Проявляют агрессию, если не получается добиться желаемого. Такие подростки считают себя обессиленной жертвой ситуаций, обстоятельств, других людей.

Высокий уровень виктимности (склонности к исполнению социальной роли жертвы) установлен у 13% подростков. Им свойственен любой тип аутсайдерства: «козел отпущения», «гадкий утенок», «белая ворона» и др. Таких подростков не покидает ощущение, что ими пренебрегают. Окружающий мир кажется им враждебным. Чувствуют себя одинокими, ненужными и глубоко страдают по этому поводу, очень обидчивы. У 13% подростков уровень виктимности выше среднего. Нехарактерна социальная роль жертвы (виктимность) для 53% подростков.

Очень высокий уровень виктимности (склонности к исполнению социальной роли жертвы) типичен для 21% учащихся. Это говорит о прочности социальной роли жертвы, активизации рентных установок. Такие подростки считают себя неудачниками и обвиняют других людей в собственных несчастьях. Переживая свою изолированность, они привыкают к ней и считают, что одиночество – их судьба. Не уверены, что способны

изменить свою жизнь. Глубоко переживают свою изолированность, ощущают себя вечными изгоями и хроническими неудачниками.

Высокий уровень гипервиктимности (сочетание позиции и статуса жертвы) отмечается у 34 % испытуемых, что указывает на низкий уровень жизнестойкости, отсутствие осмысленных смысложизненных ориентаций, предпочтение неконструктивных преодолевающих стилей поведения (избегание, манипуляция, асоциальные и агрессивные действия). Они пессимистично относятся к происходящему, занимаются самообвинениями, которые сочетаются с обвинениями других и жалостью к себе. В целом, эмоциональную сферу «жертвы» можно охарактеризовать как сферу печали, возмущения, отчаяния, уныния, агрессии, страха. Отличаются склонностью уходить от проблем, смиряются с ситуацией и не желают ничего менять. Вместе с тем, социальное окружение для них представляет особую значимость. Надежды на «спасение» они возлагают именно на него. Остальные 66% подростков имеют средний, ниже среднего низкий и очень низкий уровни гипервиктимности.

Выраженность аутовиктимности, виктимности и гипервиктимности у мальчиков и девочек подросткового возраста распределилась следующим образом.

Очень высокий уровень аутовиктимности характерен для 12% мальчиков, высокий – 12%, выше среднего – 10%. В тоже время очень высокий уровень аутовиктимности свойственен 6% девочек, высокий – 2%, выше среднего – 14%.

Установлен очень высокий уровень виктимности у 30% мальчиков, высокий – у 12%, выше среднего – у 14%. Очень высокий уровень виктимности присущ 12% девочек, высокий – 14%, выше среднего – 12%.

Выявлен очень высокий уровень гипервиктимности у 30% мальчиков, выше среднего – у 10%, высокий уровень не характерен для них. В тоже время очень высокий уровень гипервиктимности свойственен 8% девочек, высокий – 8%, выше среднего – 12%.

Установлены статистически значимые различия в представленности аутовиктимных, гипервиктимных и виктимных типов личности среди мальчиков и девочек подросткового возраста: $\chi_{AB}^2=12,95$, $\chi_{B2}^2=20,06$, $\chi_{ГB}^2=32,33$, при $p<0,05$. Мальчики в большей степени, чем девочки, склонны к исполнению игровой и социальной роли жертвы, принятию позиции и статуса жертвы.

В результате исследования мы пришли к выводам:

1. Подростки склонны в большей степени к исполнению социальных ролей жертвы, чем игровых ролей жертвы. То есть подростки чаще обладают виктимностью, чем аутовиктимностью.

2. Распространенность среди подростков личностей, которым присуща ролевая виктимность, в порядке убывания численности имеет следующий вид: виктимные (исполняют социальную роль жертвы), гипервиктимные (приняли позицию и статус жертвы), аутовиктимные (исполнение игровой роли жертвы).

3. Как мальчики, так и девочки подросткового возраста в большей степени склонны к исполнению социальных ролей жертвы, чем игровых ролей жертвы. Значит, мальчики-подростки чаще обладают виктимностью, чем аутовиктимностью.

4. Среди девочек-подростков распространенность личностей, которым присуща ролевая виктимность, в порядке убывания численности имеет следующий вид: виктимные – гипервиктимные – аутовиктимные; среди мальчиков подросткового возраста: виктимные – гипервиктимные – аутовиктимные.

5. Среди мальчиков больше, чем среди девочек представлены личности аутовиктимного, виктимного и гипервиктимного типа.

Ролевая виктимность приводит к усилению деструктивности Я-концепции подростков, снижению адекватности самооценки, осложнению их социально-психологической адаптации, что отражается на психическом здоровье подрастающего поколения.

Подростки прибегают к ролевому поведению жертвы в межличностном взаимодействии, которое способствует «удобной» адаптации, предохраняет от опасностей окружающего мира, позволяет манипулировать другими.

Список использованной литературы:

1. Сарафанова, Л.В. Теоретические основания педагогического аспекта проблемы виктимности личности / Л.В. Сарафанова // Гаудеамус. – 2011. – Т.1. № 17. – С. 32–36.

2. Яценко, Т.Е. Виктимология образования: в помощь практическому психологу: практ. пособие для студентов психол. специальностей / Т.Е. Яценко, Ж.Р. Рзаева. – Барановичи: РИО БарГУ, 2014. – 363 с.

Возможности реконструкции личностных качеств преступника по аудиозаписи

Максимчук О.А., студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва

Научный руководитель – Н.В. Дворянчиков

Личность преступника, его характерологические особенности выступают предметом изучения современных ученых и целого ряда исследователей прошлого века. Среди исследователей, которые разрабатывали вопросы специфики воздействия условий отбывания на личность осужденного или преступника можно выделить: Х. Точа, И. П. Башкатова, Т. В. Калашникову, Е. Мегараджи, В. Ф. Пирожкова, Р. Блэкборна, Д. В. Сочивко, А. И. Ушатикова, Ю. М. Антоняна, М. А. Алемаскина и пр.

Изучение особенностей личности преступника, в частности лица, совершившего сексуальное преступление/насилие, является особенно актуальным. Ведь понимание причин является одним из факторов разработки и создания успешной программы по профилактике асоциального поведения.

Основная задача данной работы состоит в сопоставительном анализе манипулятивных стратегий, выявляемых при анализе аудиозаписи с привычными манипулятивными стратегиями, демонстрируемыми преступником при коммуникации. Предполагается, что манипуляции, используемые сексуальным преступником при коммуникации, отражают привычные для него способы взаимоотношения со своими жертвами.

Анализ аудиозаписи был осуществлен при помощи психолингвистического метода.

Согласно позиции П. Фресса предметом изучения психолингвистики выступают отношения между человеческими экспрессивными и коммуникативными потребностями и средствами, которые предоставляет людям язык.

Основным предметом изучения психолингвистики являются три феномена:

1. Речевая деятельность в качестве специфически человеческого вида деятельности.

2. Язык в качестве основного средства реализации речемыслительной и речевой деятельности, а также функции главных знаков языка в процессах речевой коммуникации.

3. Речь в качестве осуществления речевой деятельности.

То есть психолингвистика характеризуется тремя предметами изучения. Их наличие обусловлено особенностями данной науки, а точнее ее возникновением: психолингвистика характеризуется как комплексная, синтетическая наука, которая появилась вследствие своеобразного и уникального объединения двух древнейших наук человеческой цивилизации – лингвистики (науке о языке) и психологии.

Психолингвистику можно охарактеризовать как относительно молодую науку. Исследуя производство речи, психолингвистика описывает, как, языковая система и правила построения речи позволяют человеку выражать свои мысли, а также как образы сознания фиксируются посредством языковых знаков. Описывая процесс восприятия речи, психолингвистика анализирует два аспекта: процесс восприятия речи и результат понимания человеком речи.

Исследование показало, что предполагаемому преступнику С.В. свойственны следующие личностные качества:

1. Высокий уровень интеллекта
2. Грамотная речь
3. Коммуникабельный
4. Высокий уровень самоконтроля
5. Аккуратность, педантичность, предусмотрительность и осторожность
6. Экстернальный локус контроля
7. Эгоцентризм

Психолингвистический анализ показал нам стратегию воздействия преступника на свою жертву. При коммуникативном процессе с жертвой преступник пользовался в основном шантажом и манипулятивными методами воздействия, также действует предусмотрительно, заранее рассматривает всевозможные варианты исхода события. В аудиозаписи прослеживается, как преступник добивается повторной встречи с жертвой, шантажируя компрометирующими видеоматериалами и фотоматериалами.

Полученные результаты анализа были соотнесены с заключительным материалом о данном преступнике и с допросом потерпевшей.

В заключительном материале говорится, что преступника отличает умение осуществлять влияние на потерпевших путем манипулятивных воздействий. Он хорошо понимает и чувствует эмоциональное состояние других людей, но при этом не проявляет, ни эмпатии (способности человека представить себя на месте другого человека, понять чувства, желания, идеи и действия другого на непринужденном уровне, положительно относиться к нему), ни сопереживания.

Нападавший с высокой вероятностью озабочен и собственной «мужской состоятельностью», может испытывать неуверенность в своей привлекательности, способности нравиться женщинам.

Позиционирование во взаимодействии с потерпевшими (доминирование, склонность к нравоучениям, стремление наказывать за «неправильное» поведение) может отражать как привычный способ коммуникации (с

подчиненными, учащимися), так и компенсаторный механизм взаимоотношений с лицами женского пола (при его неприятии женщинами, подчиненной роли в супружеской жизни).

Исходя из вышеизложенного, можно заключить следующее:

- 1) Личностные особенности преступника позволяют ему в полной мере управлять, шатажировать и манипулировать жертвой.
- 2) Метод психолингвистического анализа аудиозаписи позволяет решать некоторые проблемы криминалистики.
- 3) Психолингвистический анализ позволяет выявить и рассмотреть личностные особенности преступника.

Полагаясь на результаты психолингвистического анализа, который был сопоставлен с заключительным материалом и материалом из допроса потерпевшей, можно сделать вывод, что при коммуникативном процессе преступника отражается его привычный способ взаимодействия с жертвой.

Список используемой литературы:

1. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А. Сексуальные преступления/ Ю. М. Антонян, А. А. Ткаченко - М.: Амальтея, 1993.
2. Алексеева Т. В. Характерологические особенности личности осужденных/ Т. В. Алексеева// Бюллетень медицинских интернет-конференций. – № 3. Т. 4, 2014.
3. Дворянчиков Н.В., Карпова Д.А. Психосемантический анализ восприятия образа женщины у лиц, совершивших агрессивные сексуальные преступления // Психология и право. 2011.
4. Кадыров Р.В., Янкина Е.В. Психологические особенности осуждённых, совершивших преступления сексуального характера // Социосфера. 2010.

Особенности оказания психологической помощи осужденным при пенитенциарном стрессе

*Мельникова Д.В., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва*
Научный руководитель – М.Г. Дебольский

Пенитенциарный стресс (Бабурин С.В., 2014, Дмитриев Ю.А., 2007, Дебольский М.Г., 2015, Ермасов Е., 2009, Мельникова Д.В., 2015, Сандамирский М.Е., 2001, Чирков А.М., 2010) - это субъективная реакция, представляющая собой комплекс психологических переживаний личности, оказавшейся в условиях изоляции, на стрессоры в виде факторов пенитенциарной среды. Необходимо ответить, что осужденный является целостной личностью со своими достоинствами и слабостями, с множеством социальных ролей (человек, осужденный, сын, отец, супруг, член криминальной группировки или молодежного движения), потребностей, желаний и целей. Заключение является фактором, препятствующим реализации всех выше указанных аспектов жизни. Кроме того **специфика пенитенциарного стресса** обусловлена также личностными особенностями осужденных, их девиантностью и криминальной зараженностью. Как отмечают специалисты, большая часть осужденных отличается духовной дефицитарностью, что усугубляется под влиянием пенитенциарного стресса, посредством блокирования адаптационных процессов (Бабурин С.В., 2014). Усугубление «исходной психопатологии» может приводить к дальнейшей криминализации, негативным личностным изменениям, понижению уровня здоровья и другим негативным последствиям. Специфичными для пенитенциарного стресса внешними детерминантами являются факторы пенитенциарной среды (социальная изоляция, депривация, условия жизни в ИУ и т.д.). Так же специфичными могут стать *реакции осужденных на стресс*: суициды, членовредительство, побег, групповые эксцессы и

различные психопатологические реакции. В этой связи весьма остро встает вопрос о психологической помощи осужденным.

Можно выделить два направления *психологической помощи* осужденным. Первое направление предполагает, что помощь оказывается непосредственно личности, *оказавшейся в трудной* жизненной ситуации, не связанной с уголовным наказанием (смерть близкого человека, развод, конфликт с другими людьми, тяжелая болезнь и т.д.). Второе – предполагает, что помощь осужденному оказывается в связи с влиянием факторов, обусловленных уголовным наказанием и, прежде всего, лишением свободы (ограничение возможностей удовлетворять естественные и социальные потребности, влияние тюремной субкультуры, конфликты с другими осужденными или администрацией, отказ осужденному в условно-досрочном освобождении и т.п.). Безусловно, оба направления взаимосвязаны (Дебольский М.Г., 2015).

Для составления наиболее эффективной программы психологической помощи осужденному необходим учет всех особенностей экстремальной ситуации: факторов, влияющих на формирование пенитенциарного стресса (объективные и субъективные), состояний взаимосвязанных с данным феноменом и возможных реакций. В настоящей статье остановимся на **различных реакциях осужденных на пенитенциарный стресс** и возможностях оказания психологической помощи с учетом данных реакций.

Реакции, взаимосвязанные с состоянием стресса нами разделены на уровни реагирования, в зависимости от доминирующих психологических механизмов (Мельникова Д.В., 2016). **Первый уровень – витальный (организменный)**, здесь реакции являются соматовегетативными, соответственно в стрессовой ситуации откликается либо симпатическая (стенические реакции), либо парасимпатическая нервная система (астенические реакции). На данном уровне реагирования реализуется внутренняя необходимость «удовлетворения потребности здесь и теперь». Из выявленных нами реакций стеническими можно считать:

вспыльчивость, раздражительность, беспричинные приступы гнева. Вместе с этим астеническими будут следующие реакции: заторможенность, сниженное настроение, физическая слабость. Кроме того, витальный уровень функционирования в некоторых случаях могут сопровождать реакции в виде нервных тиков. **Второй уровень** реагирования, условно назван **мотивационно-ценностным**, поскольку здесь на первый план выходит целеполагание. Осужденные на данном этапе реагирования понимают, что их эмоциональное состояние связано с невозможностью удовлетворить свои цели и потребности, при этом главным препятствием является нахождение в исправительном учреждении. Следовательно, здесь мы можем говорить о появлении реакции фрустрации. **Третий уровень – рефлексивный** и предполагает серьёзный самоанализ. Можно предположить, что здесь мы можем столкнуться с тревогой и кризисными состояниями. Необходимо пояснить, что некоторые из описанных выше состояний и реакций могут быть следствием влияния личностных особенностей осужденных. Данное предположение нуждается в отдельной проверке и сопоставлении с ведущими копинг-стратегиями.

В зависимости от реакции на пенитенциарный стресс может существенно отличаться модель оказания психологической помощи. **Психологическая помощь** – это содействие человеку или группе в решении жизненно важных проблем (затруднений), обусловленных индивидуально-психологическими особенностями личности или социально-психологическими явлениями в группе, организации (учреждении). На **витальном уровне реагирования** основной задачей станет обучение **техникам самоконтроля и саморегуляции** (например, дыхательные упражнения, техники регуляции мышечного тонуса, техники релаксации), так как реакции здесь слабо контролируются, соответственно могут легко переходить в более глубокие и сложные состояния. Психологическая помощь в этой ситуации предполагает использование приемов эмпатии. Дальнейшая работа может быть затруднена, так как осужденным, на данном уровне

реагирования, проблема, как правило, не осознается (осужденный может просто плохо себя чувствовать, отмечать некоторые психологические реакции, однако не понимать их причин). Следующей нашей задачей является *развитие навыков рефлексии* у данной группы осужденных. Это позволит осуществлять работу с когнициями, прорабатывать иррациональные убеждения, чувства и эмоции связанные с этим, простроить цели и планы на будущее. На данном этапе наиболее актуальны будут техники гештальт-терапии, когнитивно-бихевиоральной, экзистенциальной психотерапии.

На **мотивационно-ценностном уровне реагирования**, реакции осужденных отличаются большей когнитивной сложностью реагирующего субъекта, поскольку на первый план выходит целеполагание и соответствующая мотивация, соответственно, здесь чаще всего проявляется состояние фрустрации. Таким субъектам, первоначально, необходимо *отреагировать актуальное состояние*, соответственно здесь подойдут проективные методы. На этом этапе работы целесообразно использовать арт-терапию, песочную терапию. Далее следует проработать систему ценностей, иррациональные убеждения, планы на будущее и эмоции, связанные с каждым из возникающих состояний. Для таких целей наиболее актуальной является когнитивно-бихевиоральная терапия. Так же на данном уровне реагирования целесообразно использовать элементы психодрамы.

Третий уровень – рефлексивный. Работа с такими осужденными представляется наиболее простой (в отличие от двух предыдущих уровней). В данном случае развитые навыки рефлексии позволяют приступить непосредственно к *проработке установок, осознаваемых эмоциональных состояний*. Кроме того, с такими субъектами легко наладить продуктивный контакт и подвести их к осознанию ранее не допущенных в область сознания реакции и состояния.

Список использованной литературы:

1. Бабурин, С.В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. - Вологда: Издательство Вологодского института права и экономики ФСИН России. – 2014. – № 1 (25). – С. 46-50.
2. Дебольский, М.Г. Психологическая помощь осужденным: теория и практика, меры по совершенствованию нормативно-правового регулирования. // 2-ой Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» 25-27 ноября 2015 г., Т. 5., Материалы международной научно-практической конференции. – Рязань: Академия ФСИН, 2015. – С. 87 – 91.
3. Дмитриев, Ю.А. Пенитенциарная психология / Ю.А. Дмитриев, Б.Б. Казак. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 681 с.
4. Ермасов, Е.В. Психологический стресс в условиях изоляции // Развитие личности. – 2009.– №2. – С. 84-99.
5. Мельникова, Д.В. Курсовая работа «Особенности оказания психологической помощи осужденным при пенитенциарном стрессе с учетом взаимосвязанных с ним состояний и реакций». – МГППУ, 2016. – 60 с.
6. Мельникова, Д.В., Дебольский, М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых // Психология и право. – 2015. – Т. 5. – № 2. – С. 105–116.
7. Сандомирский, М.Е. Психологическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных: монография / М.Е. Сандомирский. Уфа: Изд-во Здравоохранение Башкартостан, 2001. – 88 с.
8. Чирков, А.М. Пенитенциарный стресс//Актуальные вопросы психологии, педагогики, социальной работы. – 2010. – № 9. – С. 47-55.

Особенности самоотношения сотрудников правоохранительных органов

*Митькина М.Д., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва*

Научный руководитель – Н.В. Богданович

Актуальность исследования самоотношения сотрудников правоохранительных органов обусловлена потребностями общества в высокопрофессиональных, компетентных и нравственных кадрах. Самоотношение выступает регулятором человеческого поведения, является источником его социальной активности, определяет ее адекватность.

Выборку для исследования составили 60 человек в возрасте от 30 до 42 лет и стажем работы на занимаемой должности от 4 до 10 лет. 30 участников исследования являются действующими сотрудниками МВД РФ. В качестве контрольной группы выступили 30 действующих сотрудников противопожарной службы МЧС.

Испытуемым было предложено выполнить следующие методики: тест-опросник самоотношения В.В. Столина; опросник профессионального самоотношения К.В. Карпинский, А.М. Колышко; методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потёмкиной; Иерархия потребностей (модификация И.А. Акиндиновой).

Согласно полученным данным, для участников исследования, служащих в структуре МВД, характерна выраженность положительных аспектов самоотношения: самоинтереса, самопринятия, самопонимания. В сравнении с контрольной группой, наиболее выраженными являются ожидаемое отношение от других, а так же самопонимание. Наименее выраженными оказались: самопоследовательность и самообвинение. Для контрольной группы испытуемых-сотрудников противопожарной службы МЧС так же характерна выраженность положительных аспектов

самоотношения. Однако показатели самоуверенности, самопоследовательности и самообвинения несколько выше, чем у сотрудников МВД. Ожидаемое отношение от других, наоборот, у представителей данной группы снижено. В целом для всей выборки характерно положительно-сформированное самоотношение с внутренне-дифференцированным чувством «за» собственное «Я», отражающееся в дружелюбности по отношению к самому себе.

Показатели профессионального самоотношения сотрудников МВД и МЧС во многом схожи. Однако наиболее значимое отличие наблюдается по шкале «самообвинение в профессии», которое наиболее выраженным является у сотрудников МЧС.

Низкие показатели внутренней конфликтности в профессии у представителей обеих групп свидетельствуют о соответствии предъявляемых профессией требованиям индивидуальным возможностям представителям обоих ведомств, в решении профессиональных вопросов они чувствуют свою компетентность и востребованность.

Высокие показатели профессионального самоуважения, самоуверенности и самопривязанности свидетельствуют так же об уверенности в своей профессиональной компетентности, профессиональных навыках, опытности. Выраженная оценка себя как эффективного сотрудника, которая так же включает в себя самооценку личностного роста в профессии и саморуководство говорит об оценке сотрудником себя как ответственного и добросовестного работника, способного достигать поставленных профессией целей, несмотря на степень сложности этих целей.

В целом можно сказать, что представители обоих ведомств воспринимают себя как положительных субъектов профессиональной деятельности.

Изучение социально-психологических установок участников исследования позволило установить, что у сотрудников МВД преобладают установки на процесс и власть, так же установка на эгоизм преобладают над

альтруизмом. У представителей контрольной группы выражены установки на результат, труд и альтруизм. Общей чертой для двух групп является установка на деньги. Ведущей ценностью для людей с ориентацией на деньги является стремление к увеличению своего благосостояния.

Преобладающими потребностями сотрудников МВД являются: материальное положение и потребность в уважении со стороны. Потребность в уважении со стороны так же выражена и у сотрудников противопожарной службы. Выраженная потребность в безопасности у сотрудников МЧС, вероятно, обусловлена экстремальным характером их деятельности.

Статистическая обработка данных по критерию ранговой корреляции Спирмена позволила установить наличие тесных взаимосвязей между компонентами самоотношения участников исследования и компонентами мотивационно-потребностной сферы.

Проведенное исследование наглядно демонстрирует необходимость исследования такого феномена, как самоотношение, так как оно может являться одним из факторов, определяющих успешность несения службы. Самоотношение является многоаспектным феноменом, который затрагивает и профессиональную сферу деятельности личности сотрудника правоохранительных органов. Таким образом, данный феномен у служащих, а так же кандидатов на службу может выступать одним из критериев профессионального отбора.

Нравственная надежность профессионала (на примере юристов и психологов)

Панкратова А.В., студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – Н.В. Богданович

Важной спецификой юридической психологии является изучение психологических особенностей, обусловленных правовым контекстом. Большинство исследований строятся на рассмотрении особенностей личности с девиантным или делинквентным поведением, изучении причин демонстрируемого поведения, а также его коррекции. В нашем исследовании мы рассмотрели иной угол обзора, а именно изучение механизмов сдерживающего поведения. На наш взгляд, именно такой подход на сегодняшний момент наиболее актуален и малоизучен.

Выделенным компонентом сдерживающего поведения являются аспекты нравственности. Изучение данного свойства личности видится целесообразным у людей, занимающихся «помогающими» профессиями, а именно у юристов и психологов. Целью исследования является выявление особенностей нравственной надежности у юристов и психологов. Для успешного достижения цели было сформировано 4 группы испытуемых: студенты-юристы, студенты-психологи, а также занимающиеся профессиональной деятельностью психологи и юристы.

Основные идеи работы заключаются в исследовании профессий психолога и юриста, а также процессов приобретения профессионализма в той или иной деятельности и их связь с личностными особенностями (конструктами).

В ходе теоретического и практического изучения было выявлено:

При сравнении показателей нравственной надежности сделан вывод, что показатели этой характеристики у юристов выше, чем показатели того же

признака у психологов, и данное различие повышается в процессе профессионализации.

Изучение персональных конструктов у лиц, принадлежащих «помогающим» профессиям, дают достоверные основания полагать, что в целом отмечается общий принцип при осуществлении оценки.

Преобладающей категорией у юристов (как профессионалов, так и студентов) является категория «Морально-этическая» (4), в которую входят следующие качества: честный, справедливый, хороший, плохой, добрый, злой, воспитанный и т.д.

Наиболее часто встречаемая категория, которая отмечается у психологов и студентов, получающих психологическое образование, формулируется как «индивидуально - психологическая» (7), которая описывает следующие характеристики: экстраверт, интроверт, мечтательный, капризный, педантичный и т.д.

В целом, когнитивная сложность юристов ниже того же показателя психологов. Однако показатели когнитивной сложности студентов юристов выше, чем показатели студентов психологов по тому же признаку.

Полученные результаты данных, а также выделенные перспективы и рекомендации могут быть применены в практической сфере, а именно для усовершенствования эффективности образовательного процесса.

Взаимосвязь ролевой виктимности и симптомов профессионального выгорания у педагогов сельских школ

*Пилипчук А.Н., студентка Барановичского
Государственного Университета,
г. Барановичи, Республика Беларусь
Научный руководитель – Т.И. Яценко*

Профессиональная деятельность занимает важное место в жизни человека. Она может влиять на жизнь человека как позитивно, так и негативно. Одним из наиболее вероятных негативных векторов профессионального развития педагогов является профессиональное выгорание.

Термин «выгорание» появился сравнительно недавно, лишь в 1974 г. он был введен в научный оборот американским психиатром Х. Фрейденбергом. Он используется для характеристики состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном эмоциональном общении с другими людьми. К данной категории относятся и педагоги.

Профессиональное выгорание – синдром, развивающийся на фоне хронического стресса и ведущий к истощению эмоционально–энергических и личностных ресурсов работающего человека (Водопьянова Н.Е., 2005).

Анализ ряда работ ученых (Н.В. Самоукиной, В.Е. Орла, Н.Е. Водопьяновой и др.) показал, что симптомы профессионального выгорания можно разделить на три группы (Самоукина Н.В., 2006; Орел В.Е., 2005; Водопьянова Н.Е., 2005):

1. Поведенческие. Характерна частая смена рабочего режима, безразличие к трудовой деятельности. Педагоги дистанцируются от коллег и учеников.

2. Физические. Педагоги чувствуют постоянное физическое утомление, истощение. Они часто болеют, что сказывается на их профессиональной работоспособности.

3. Социально-психологические. Для педагогов характерна общая негативная установка на жизненные и профессиональные перспективы, постоянное переживание негативных эмоций и депрессия, повышенная тревожность.

Педагоги с данной симптоматикой, подверженные синдрому профессионального выгорания, характеризуются неудовлетворенностью своей профессиональной деятельностью, взаимоотношениями с коллегами и учениками.

В своем исследовании мы предположили, что симптомы профессионального выгорания педагогов взаимосвязаны с уровнем их ролевой виктимности.

Как отмечает М.А. Одинцова, ролевая виктимность – это предрасположенность индивида в силу неблагоприятных объективных и специфических субъективных факторов продуцировать тот или иной тип поведения жертвы, выражающийся в позиции либо статусе жертвы, а также в их динамическом воплощении: социальной или игровой роли жертвы (Одинцова М.А., 2012).

Педагоги с ролевой виктимностью предпочитают во взаимодействии с учениками и коллегами неконструктивные, преодолевающие стили поведения (избегание, манипуляция, агрессивные действия и пр.). Они часто обвиняют других в своих неудачах и поражениях. У них постоянно возникают проблемы в профессиональной деятельности, при этом они не пытаются их решить и ничего не меняют в своей жизни.

В нашем исследовании приняли участие 57 педагогов сельских школ. В качестве диагностического инструментария были выбраны: методика «Определение психического выгорания» А.А. Рукавишниковой, опросник «Проявление виктимности в вашем поведении» М.А. Одинцовой. Выявление

характера взаимосвязи профессионального выгорания и ролевой виктимности у педагогов осуществлялось с помощью вычисления коэффициента корреляции Пирсона.

По результатам корреляционного анализа было установлено наличие значимой прямой взаимосвязи между уровнем выраженности у педагогов ролевой виктимности и симптомами такой стадии профессионального выгорания, как психоэмоциональное истощение ($r=0,27$, $p=0,04$). То есть чем ниже уровень жизнестойкости, отсутствия осознанных смысложизненных ориентаций у педагогов, склонности воспринимать и позиционировать себя как жертву жизненных обстоятельств и межличностных отношений, тем в большей степени они подвержены истощению эмоциональных, физических и энергетических ресурсов. Для них характерна повышенная чувствительность к оценкам коллег и учеников, социальное окружение представляет для них особенную значимость. Педагоги не желают идти на работу, ожидают скорейшего окончания рабочего дня.

Была установлена значимая прямая взаимосвязь между ролевой виктимностью педагогов и симптомами такой стадии профессионального выгорания, как личностное отдаление ($r=0,37$, $p=0,004$). Значит чем выше склонность педагогов уходить от проблем, пессимистично относиться к происходящему и заниматься самообвинениями, тем в большей степени у них проявляется нежелание контактировать с людьми. Данная категория педагогов характеризуется циничным, негативным отношением к коллегам и ученикам. Они критично относятся к окружающим и не критичны в оценке самих себя. Зачастую такие педагоги безразличны к своей карьере, для них также характерна повышенная раздражительность и нетерпимость в ситуациях общения.

Установлено наличие значимой прямой взаимосвязи между ролевой виктимностью педагогов и психическим выгоранием в целом ($r=0,26$, $p=0,047$). Для педагогов с высоким уровнем ролевой виктимности, выражающейся в раздражении и агрессии, направленной на других,

свойственна повышенная переменчивость в настроении. У них ярко выражена психоэмоциональная симптоматика, проявляющаяся в нарушении сна, излишнем беспокойстве, рассеянности. Характерна неудовлетворенность своей повседневной деятельностью. Очень часто поведение таких педагогов характеризуется безразличием к профессиональной карьере. Педагоги с высоким уровнем ролевой виктимности, чрезмерно эмоционально включены в напряженные, трудные профессиональные ситуации, пессимистично относятся к происходящему, занимаются самообвинениями, в результате чего переживают эмоциональный дискомфорт. Следует отметить, что такие педагоги стремятся снять с себя ответственность за происходящее, постоянно обвиняя в своих трудностях коллег и учеников. Они неудовлетворены собой как профессионалами, у них заниженная самооценка и чувство низкой профессиональной самоотдачи.

Таким образом, ролевая виктимность повышает риск возникновения и стремительного развития у педагогов сельских школ профессионального выгорания. Данная проблема остается мало изученной, и перспективна для дальнейшего исследования.

Список использованной литературы:

1. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – СПб. : Питер, 2005. – 336 с.
2. Одинцова М. А., Радчикова Н. П. Разработка и стандартизация опросника «тип ролевой виктимности» / М.А. Одинцова, Н.П. Радчикова // Известия ПгПу им. В. Г. Белинского, 2012. – № 28. – С. 1303–1310.
3. Орел, В.Е. Синдром психического выгорания личности: руководство / В.Е. Орел. – М. : Институт психологии РАН, 2005. – 330 с.
4. Самоукина, Н.В. Психологический тренинг для учителя: советы психолога / Н.В. Самоукина. – 2-е изд., испр. – М. : Психотерапия, 2006. – 187 с.

Особенности принятия группового решения присяжными заседателями

*Семенова Д.Н., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва*

Научный руководитель – Ф.С. Сафуанов

В данной работе положено начало исследования особенностей принятия группового решения присяжными заседателями. В России суд присяжных ждет реформирование, которое затронет численный состав коллегии присяжных заседателей.

В нашей работе мы рассмотрим группы присяжных заседателей, как малые группы, в которых наблюдалось за особенностями принятия решений, в зависимости от численности группы.

Основными направлениями исследования групповой динамики в малых группах и принципов принятия групповых решений являются: деятельностный подход А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, Г.М. Андреевой. Нормативное влияние группового большинства исследовалось в экспериментах М. Шерифа, С. Аша. В работе проведен анализ исследований процедуры принятия групповых решений Г.М. Андреевой, Н.В. Зажигоиной, А.В. Карпова, Е. М. Дубовской, Р. Бэрона.

Социальные психологи выделяют несколько ситуационных переменных, которые оказывают значительное влияние на групповое поведение. Это, прежде всего, личностные особенности членов группы, размер группы и степень ее однородности. Эффект влияния характеристик отдельной личности может быть невелик, но сумма схожих характеристик часто является решающим фактором групповой деятельности (Аймутова Н.Е., 2003)

Размер группы является важной детерминантой группового поведения, поэтому мы рассмотрим особенности принятия группового решения, именно, в зависимости от численности группы.

Исследование этой темы не может остаться без внимания, как в сфере психологии, так и в юриспруденции, по причине особого внимания, со стороны науки и общества, в данном вопросе.

Объект: особенности принятия группового решения.

Предмет: особенности принятия группового решения присяжными заседателями, в зависимости от численности группы.

Цель: Изучение феноменов внутригрупповых процессов и особенностей принятия группового решения присяжными заседателями, в зависимости от численного состава группы.

В соответствии с поставленной целью в данной работе решаются следующие задачи:

- проанализировать и выявить особенности принятия решений в группах, отличающихся по численности;
- составить рекомендации для органов судебной власти по отбору и формированию групп присяжных заседателей.

Выборка: 78 человек, в возрасте от 18 – 25 лет.

Методы: в данной работе были использованы общенаучные методы анализа, синтеза научной литературы по проблеме исследования и эксперимент.

В ходе эксперимента сформировано 9 групп, трех видов, различных по численности, а именно: три группы по 6 человек, три по 8 и три по 12.

Научная новизна работы.

По мнению сторонников введения суда присяжных в России, присяжные обладают большей независимостью в принятии решения, чем профессиональные судьи. Тот факт, что в состав коллегии входит двенадцать присяжных, затрудняет оказание давления на ее членов, но механизмы принятия группового решения и факторы, влияющие на него, внутри группы присяжных заседателей, не изучены, отсюда следует, что научная работа внесет новые данные в эту область исследования.

Практическая значимость.

После проведения исследования, направленного на изучение особенностей принятия решения присяжными заседателями, можно будет использовать данный опыт для дальнейшего, масштабного исследования, а после, и для совершенствования судопроизводства с участием присяжных заседателей. Результаты будут иметь значение при формировании групп присяжных заседателей.

В ходе эксперимента было сформировано 9 групп, трех видов, различных по численности, а именно: три группы по 6 человек, три по 8 и три по 12.

Выводы, полученные по окончании исследования:

В соответствии с поставленными целями и задачами нашего исследования внутригрупповых процессов и особенностей принятия группового решения присяжными заседателями, в зависимости от численного состава группы дало следующие результаты:

1. Во всех трех группах по 6 человек решение было принято рационально, а так же было выявлено конформное поведение участников дискуссии.

2. В группах по 8 человек во время обсуждения был зафиксирован эффект социальной лености. Решение принималось на основе суждений(опыта) в трех группах.

3. В группах по 12 человек при дискуссии выявлено конформное поведение участников, а так же зафиксирована социальная леность.

В трех группах на решение оказало влияние «меньшинство».

4. По итогам данного исследования можно выделить оптимальную численность группы, исходя из полученных данных, которые показывают, что в группах из 8 человек в дискуссию не вступают 2-3 человека, а в группах из 12 человек – 5-6. Следовательно, оптимальное количество участников для вынесения вердикта 6 присяжных заседателей.

Список использованной литературы:

1. Аймаутова, Н.Е. Специфика группового принятия решения / Н.Е. Аймаутова, С.В. Ушнева // Вестник РУДН. - 2003. - № 4-5. - С. 213-218.
2. Андреева, Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений / Г.М. Андреева — М.: Аспект Пресс, 2001. – 290 с.
3. Бэрн, Р., Социальная психология группы: процессы, решения действия / Р. Бэрн, Н. Керр, Н. Миллер. - СПб: Питер, -2003. - 272 с.
4. Гричаниченко А. В. Суд присяжных : проблемы, возникающие при отборе кандидатов в присяжные заседатели // Российская юстиция, 2011. № 12.
5. Гулевич О.А. Психологические основы юриспруденции:учебное пособие /М.:НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт,2009.512 с.
6. Гулевич О.А. Психология в суде присяжных. Аналитический обзор: Учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений, «Психология». М., 2003.259с.
7. Зажогина, Н.В. Психологические особенности принятия решения в процессе группового взаимодействия [Электронный ресурс] / Н.В. Зажогина //Электронное научное издание «Труды МЭЛИ: электронный журнал» - 2008.
8. Кричевский, Р. Л. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов / Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская — М.: Аспект Пресс, 2001.— 318 с.
9. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев - М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

Особенности опознания подростков с расстройствами аутистического спектра

*Сиворонова Е.А., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – Л.Г. Бородина*

В настоящее время дети, страдающие расстройствами аутистического спектра зачастую оказываются свидетелями или жертвами различных криминогенных ситуаций, особенно связанных с насилием в семье. При этом, до сих пор остается открытым вопрос, можно ли привлекать таких детей к процедуре предъявления для опознания, учитывая их особенности.

Поскольку при столкновении с системой уголовной юрисдикции родные и сами индивидуумы с нарушениями развития могут легко быть перегружены самим процессом, необходимо сформировать условия процедур в уголовном процессе для таких людей так, чтобы повысить результативность их участия.

Согласно статьям 193, 289 УПК РФ предъявление для опознания состоит в предъявлении в ходе предварительного расследования либо судебного следствия свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому в установленном уголовно-процессуальном порядке какого-либо объекта (или его отображения) для установления тождества или различия с ранее им воспринимаемым объектом в связи с расследуемым событием. (УПК РФ, от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 30.03.2016))

В отечественной и зарубежной психологической литературе описано также множество различных факторов, тем или иным образом влияющих на точность опознания.

Основные из них можно разделить на три группы:

- объективные – условия, при которых происходило восприятие, особенности воспринимаемых объектов, т.е. условия, которые не зависят от

субъекта восприятия, но могут быть тесно с ним связаны;

- субъективные – факторы, влияющие на формирование мысленного образа, т.е. психологические и физиологические особенности, характеризующие конкретного человека;

- условия непосредственно самой процедуры опознания. (Фадеева Д.А., Сафуанов Ф.С., 2011)

Важно отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве России минимальный возраст, с которого возможно осуществлять производство следственных действий (в том числе предъявление для опознания) с участием детей не установлен.

Рассматривая тактику уголовно-процессуальных действий с детьми с аномалиями в развитии, важно выделить следующие закономерности:

1. Быстрая утомляемость и неспособность долгое время удерживать внимание, в связи с чем необходимы специальные перерывы.

2. Вопросы должны быть простые и доступные для их восприятия, закрытого типа. Наводящие вопросы не допускаются.

3. Беседу необходимо вести в спокойном, дружелюбном тоне, проявляя терпеливость.

4. Необходимо заранее изучить особенности поведения и его внешних форм малолетних с психическими аномалиями.

5. При фиксации хода и результатов следственных действий необходимо записывать вопросы и ответы в их точном соответствии. (Дощицын А.Н, 2012)

На основе характера и степени нарушений взаимодействия с внешней средой и типом аутизма Никольской О.С. были выделены четыре основные группы аутизма:

1. подразумевает отрешенность от окружающей среды с полным отсутствием потребности в контакте, полевым поведением, мутизмом и отсутствием навыков самообслуживания;

2. отвержение внешней среды с преобладанием стереотипий;

3. замещение окружающего с преобладанием сверхценных интересов, фантазий, повышением влечений;

4. сверхтормозимость окружающей средой с сильной ранимостью, робостью, поисками защиты у близких, стремлением к выработке социально положительных стереотипов поведения. (Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М., 2007)

Нами было проведено исследование по выявлению факторов, способных оказать влияние на процедуру опознания у подростков с РАС (цветность фотографий, их количество и последовательность предъявления). Исследование проводилось на 22 подростках 10-12 лет с различной степенью выраженности аутизма, а также на 22 нормативных подростках 10-12 лет.

В качестве экспериментального материала мы использовали фотографию (цветную и черно-белую) девушки 27 лет, которую необходимо было опознать, и 6 фотографий похожих на нее девушек (цветные и черно-белые). Фотографии отбирались с помощью программ поиска схожих изображений, после чего редактировались в графическом редакторе Pixlr Editor.

При подготовке эксперимента у испытуемых с помощью методики CARS была исследована степень выраженности РАС.

Все пробы эксперимента делятся на четыре блока по пять проб в каждом. Таким образом, общее количество проб было равно двадцати. Каждый блок содержит три исследуемых фактора. Первый блок был направлен на исследование одновременного предъявления цветных фотографий в количестве от двух до шести. Второй блок - на исследование одновременного предъявления черно-белых фотографий в количестве от двух до шести. Третий блок изучал последовательно предъявление цветных фотографий в количестве от двух до шести. В свою очередь четвертый блок - последовательное предъявление черно-белых фотографий в количестве от двух до шести.

Каждая проба разбита на три части. В первой части всех проб в

класс во время урока заходил помощник в среднем на 2-3 минуты и делал некоторые манипуляции в пространстве (брал какие-то предметы, писал что-то на доске, отвечал, если к нему обращались и т.д.) после чего выходил, а учитель продолжал урок (вторая часть пробы). После прохождения 10 минут мы переходили к третьей заключительной части пробы, в которой испытуемому давалась следующая инструкция: «Выберите, пожалуйста, среди представленных на фотографиях людей человека, который заходил к Вам сегодня в класс. Но помните, что предложенная группа фото не обязательно включает в себя этого человека». И в зависимости от условий блока и конкретной пробы перед испытуемым выкладывались фотографии. С каждым из испытуемых индивидуально проводился весь блок, т.е. пять проб. Инструкция не менялась. Важно отметить, что из пяти проб в каждом блоке одна проба при предъявлении для опознания группы фотографий не содержала фотографии субъекта опознания.

По результатам исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Качество опознания у подростков с РАС повышается при предъявлении черно-белых фотографий.
2. Качество опознания у подростков с РАС не зависит от последовательности предъявления фотографий.
3. При увеличении количества фотографий качество опознания у подростков с РАС снижается.
4. Индивидуальные различия у подростков РАС являются более существенными, чем случайные факторы.
5. К процедуре опознания целесообразно привлекать лиц, имеющих легкую и умеренную степень расстройства, в целях сведения возможности ложных результатов к минимуму.
6. Точность опознания у подростков с РАС ниже, чем у детей группы норма.

В ходе исследования удалось также выявить необходимость разработки отдельной инструкции для подростков с РАС, так как общая инструкция, исходя из наблюдения, трудна для понимания.

Список использованной литературы:

1. Дощицын А.Н Тактические особенности производства допроса на предварительном следствии малолетних с психическими аномалиями / А. Н. Дощицын // Вопросы ювенальной юстиции : федер. науч.-практ. журн. - 2012. - N 6. – с. 3-5.
2. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок: Пути помощи - М., 2007. URL: <http://www.autism.ru/read.asp?id=37&vol=0> (дата обращения 04.05.2016)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2016. – 183 с.
4. Фадеева Д.А., Сафуанов Ф.С. Психологические особенности опознания как процессуального действия информационного характера - Электронный журнал «Психологическая наука и образование» № 1, 2011 – 12 с.

Психологический анализ воздействия, реализуемого тоталитарными сектами посредством сети интернет

Смирнова Н.С., студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва

Научный руководитель – Н.В. Дворянчиков

Тематика манипулятивного психологического воздействия, реализуемого тоталитарными сектами с течением времени не утрачивает своей актуальности. Это обуславливается рядом причин, одними из которых являются научно-технический прогресс, а также смещение социума в виртуальную реальность. Нетрадиционные религиозные организации, под которыми мы понимаем некое объединение людей, имеющих схожее мировоззрение, созданное для совместного исповедания тех или иных религиозных убеждений и взглядов, а также возможного распространения системы верований (Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В., 2014), как некое особое социально-психологическое явление, эволюционирует параллельно основным тенденциям социума. Совершенствуется структура НРО, стратегии манипулятивного психологического воздействия, а также методы его реализации. Учитывая стремительно возросшее количество интернет-пользователей, руководствующихся различного рода мотивацией (Кондратьев Ф.В., Осколкова С.Н., 2000), мы можем говорить о частичном смещении социума в кибер-пространство. Вслед за этим, во всемирную паутину перемещаются и заинтересованные в увеличении численности адептов, приверженцы той или иной НРО.

Наша работа является логическим продолжением изучения аспектов реализации манипулятивного психологического воздействия НРО в сети интернет (Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В., 2015), а именно –

исследованием его возможных последствий. Нам представляется возможным и актуальным пошагово исследовать намерения НРО, реализуемые коммуникативные ходы (приёмы, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики (Иссерс О.С., 2008), а также психотехническую сторону манипулятивного психологического воздействия и описать состояния, характерные для каждой фазы реализации стратегии, которые НРО рассчитывают получить для групп неопитов, либо отдельных ее приверженцев.

Целью работы является исследование последствий манипулятивного психологического воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети интернет. Стоит отметить, что последствия могут иметь различный характер и не всегда могут быть негативными для соматического и ментального здоровья человека (другой вопрос, как именно это будет трактоваться приверженцами НРО). Поэтому, наша формулировка будет носить нейтральный характер. Мы определим последствия воздействия как некие изменения, наступившие вследствие целенаправленной индукции тех или иных структур личности, спровоцированной деятельностью НРО прямо (непосредственно, при личном контакте) или косвенно (посредством каких-либо носителей, в том числе статей, размещенных на интернет-ресурсах).

В соответствии с выделенными нами критериями, проводится содержательный анализ контент-продукции официальных сайтов НРО, включенных в список-перечень (6) и официально признанными тоталитарными сектами. Был проанализирован контент интернет-ресурсов таких НРО как Ананда Марга, Бахаи, Велесов Круг, ДЭИР, ЮСМАЛОС.

В общей сложности нами было рассмотрено 25 статей (по 5 с каждого ресурса) объемом от 3 до 11 страниц.

Полученные результаты позволяют нам судить о наличии определенных тенденций: можно говорить о том, что наиболее часто и активно атакуется мотивационно-потребностная сфера человека.

Параллельно с этим, прилагаются некоторые усилия для растождествления со старой личностью, что достигается НРО посредством индукции деперсонализационных тенденций – они добиваются состояния диссоциации с прошлым опытом, прошлой личностью, а также набором привычных поведенческих паттернов и реакций. К тому же все это усугубляется индукцией установки на изоляцию от привычного социума и окружения. Вместе с тем, ведется воздействие на эмоционально-волевую сферу, а также вменяются чувства страха и чувство вины/ стыда.

Список использованной литературы:

1. Веденеева Е.В. Взаимосвязь мотивационного компонента личностной беспомощности и ведущей деятельности на разных возрастных этапах // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 186-189.

2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 284 с.

3. Кондратьев Ф.В., Осколкова С.Н. Проблема религиозных культовых новообразований (сект) в психолого-психиатрическом аспекте. Аналитический обзор – М.: ГНЦССП им. В.П. Сербского, 2000 – 100 с.

4.

ресурс] // Психология и право. 2014. No2. С.111–132. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69877.shtml> (дата обращения: 15.04.2015).

5. Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В. Исследование манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 16–40. URL:

http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n2/77051_full.shtml (дата обращения 19.03.2016).

6. Список-перечень «Наиболее известные тоталитарные, деструктивные секты и группы действующие на территории Российской Федерации обладающие множеством признаков таковых» от 11.10.2004 //URL: <http://centerpolit.ru/content.php?id=72> (дата обращения 19.03.2016).

Проявление агрессии при разных уровнях когнитивного развития подростка

*Сорокина Ю. С., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – Н.В. Богданович*

Проблема агрессивного поведения подростков — одна из центральных социально-психологических проблем, и затрагивает практически все сферы жизни общества. Агрессия как психическая реальность имеет конкретные характеристики: направленность, формы проявления, интенсивность (Берковец Л., 2011). Целью агрессии может быть как собственно причинение страдания (вреда) жертве (враждебная агрессия), так и использование агрессии как способа достижения иной цели (инструментальная агрессия). Агрессия бывает направлена на внешние объекты (людей или предметы) или на себя (тело, личность). Особую опасность представляет агрессия, направленная на других людей.

Агрессивность — набор преимущественно межличностных действий, вербальных или физических по форме, деструктивных и вредоносных по отношению к другим людям или предметам (Берковец Л., 2011). Надо признать, что время от времени почти все подростки проявляют агрессивное поведение, но беспокойство подростковая агрессивность вызывает, как правило, в тех случаях, когда она становится хронической и (или) ярко выраженной. Причины агрессивности кроются как в особенностях самой личности, так и в воздействии на неё окружающей действительности.

На основе исследования, посвящённого определению особенностей агрессивного поведения у подростков разных уровней когнитивного развития, можно сделать следующие выводы. Агрессивное развитие подростка опосредованно биологическими, социальными и

психологическими факторами. Для нормально развивающегося подростка в качестве предпосылок агрессивного поведения преобладающие значение имеют биологические факторы (Смирнова Е. О., Хузева Г. Р., 2008). Период полового созревания знаменуется переходом от детства к взрослой жизни в связи с неготовностью подростка к самостоятельной жизни сопровождающимся психо-эмоциональными сдвигами, часто выражающимися в агрессии у подростков. Нормально развивающиеся подростки недоверчиво и с подозрительностью относятся к людям, недовольство чаще всего выражают в вербальной форме, в общении со сверстниками склонны к конформизму. Психологические факторы проявления агрессивного поведения наибольшее влияние имеют для умственно отсталых подростков. Значимыми психологическими факторами являются: интеллектуальная недоразвитость, неадекватно завышенная самооценка, тенденция к эмоциональной нестабильности (Шпек О., 2013). Для таких подростков характерны такие комплексы, как эмоциональные напряжения, тревога в отношениях со сверстниками и с взрослыми, конфликтность со сверстниками, неусидчивость. Подросткам с ОВЗ (умственная отсталость) присущи высокий уровень агрессии, раздражения, самооценки, нейротизма, директивности и демонстративности, разрешение конфликтных ситуаций у них зачастую происходит при помощи физической силы.

Одним из главных факторов, определяющим проявление агрессивности, являются условия проживания подростка. Дети, проживающие в учреждениях интернатного типа, вынуждены адаптироваться к большому числу сверстников (Стребелева Е. А., 2008). Их контакты с окружающими людьми поверхностны, нервозны. Подростки подозревают друг друга, ждут какой-то подвох и в любой неприятной ситуации выражают агрессию физически. Для подростков с ОВЗ (умственная отсталость), проживающих в условиях семьи, становится

характерным выражать агрессию вербально. Вероятно, это связано с тем, что адаптация такого ребенка в семье прошла успешно, он стал более спокойный, появилась мотивация к улучшению своего поведения, он научается прислушиваться к мнению значимой группы, появляется ощущение стабильности в жизни, зарождается доверие. Стоит отметить возможность коррекции агрессивного поведения у подростков с умственной отсталостью при условии их проживания в семье и при социально-психологической помощи специалистов интернатных учреждений или социальных служб.

Список использованной литературы:

1. Берковиц, Л. Агрессия: Причины, последствия и контроль. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2011. — 512 с. (Серия «Секреты психологии»).
2. Дубинко, Н. А. Влияние когнитивных процессов на проявление агрессивности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. — 2012. — № 1.
3. Смирнова, Е. О., Хузева, Г. Р. Психологические особенности и варианты агрессивности / Вопросы психологии. 2008. № 4. — 17-26 с.
4. Стребелева, Е.А. Дети-сироты: консультирование и диагностика развития / Е.А. Стребелева. — Москва: Полиграф сервис. — 2008. — 336 с.
5. Шпек, О. Люди с умственной отсталостью: Обучение и воспитание / О. Шпек; пер. с нем. А. П. Голубева; науч. ред. рус. текста Н. М. Назарова. — М.: Академия, 2013. — 432 с.

Головные боли и девиантное поведение подростков

*Филатова А.Н., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва*

Научный руководитель – А.Ф. Ремеева

Проблема психосоматических расстройств и повышенной тревожности у подростков в настоящее время является достаточно распространённой и нуждается в детальном разборе для того, чтобы ответить на интересующий многих вопрос: «Почему так часто именно подростки подвержены нервным и психическим расстройствам и как можно предупредить или хотя бы сгладить и уменьшить последствия переживаний у подростков?»

Исследование проводилось на базе ГБОУ Школа № 1400. В выборку вошли дети подросткового возраста (12-16 лет) в количестве 62 человек. Целью исследования являлся сравнительный анализ подростков с головными болями и без них и их девиантным поведением по ряду критериев: оценка частоты и степень подверженности стрессу, определение уровня агрессивности, враждебности и тревожности, самооценки и измерения и оценки алекситимии в группах. В ходе исследования были использованы методики: Опросник МИДАС; Опросник «Инвентаризация симптомов стресса»; Опросник диагностики агрессии А. Басса и М. Перри; Шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера (адаптация Ханина); Методика Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан; Методика склонности к отклоняющему поведению А. Н. Орел; Торонтская Алекситимическая Шкала (TAS).

Первым этапом нашего исследования являлось тестирование подростков при помощи опросника МИДАС, позволившее выявить наличие и степень тяжести головной боли среди школьников. Обработка результатов тестирования дала основания сделать выводы, что 43.5 % подростков не

испытывают головных болей или боли мало интенсивны, у 24 % умеренная или выраженная боль и 32 % страдают от сильных головных болей.

На втором этапе мы сравнивали показатели подростков, испытывающих сильные головные боли (группа «А») и показатели подростков, у которых головные боли отсутствуют или имеют малую интенсивность, умеренную или выраженную (группа «В»).

По результатам статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни, были выявлены различия между группами в Методике склонности к отклоняющему поведению А. Н. Орел по шкалам «Склонность к преодолению норм и правил» (показатель $p = 0.014$) и «Склонность к деликвентному поведению» (показатель $p = 0.033$), в Опроснике «Инвентаризация симптомов стресса» (показатель $p = 0.016$), в Опроснике диагностики агрессии А. Басса и М. Перри по шкале «Гнев» (показатель $p = 0.008$) и в Шкале реактивной и личностной тревожности Спилбергера (адаптация Ханина) по шкале «Личностная тревожность» (показатель $p = 0.023$).

Третьим этапом нашего исследования являлось сравнение средних показателей результатов проведённых методик.

Анализ результатов дает возможность утверждать, что в группе В в Опроснике «Инвентаризация симптомов стресса» показатель стресса ниже на 4 балла, (группа А: 44; группа В: 40), что является существенным различием, следовательно, данные подростки менее подвержены негативным последствиям стресса, они более стрессоустойчивы, следовательно, более спокойны и адаптивны в стрессовой ситуации, чем представители группы А.

В Опроснике диагностики агрессии А. Басса и М. Перри по шкале «Гнев» группа А показала баллы выше, чем группа В (группа А: 21; группа В: 16); это говорит о том, что подростки из группы А более склонны к раздражительности, более гневливы, чаще испытывают негативные эмоции, чем подростки из группы В.

В Шкале реактивной и личностной тревожности Спилбергера (адаптация Ханина) по шкале «Личностная тревожность» группа А набрала высокий балл, чем отличается от группы В (группа А:47; группа В: 41), это говорит о том, что данные подростки имеют склонность воспринимать достаточно большой диапазон ситуаций как угрожающие, отвечая на каждую из них определённой реакцией.

В Методике склонности к отклоняющему поведению А. Н. Орел по шкалам «Склонность к преодолению норм и правил» и «Склонность к деликвентному поведению» группа А набрала больше баллов, что даёт основания предполагать существование большей предрасположенности испытуемых из группы А к преодолению каких-либо норм и правил, склонность к отрицанию общепринятых норм и ценностей, образцов поведения, а так же возможную предрасположенность подростков к реализации деликвентного поведения. А по «Шкале принятия женской социальной роли» девочки из группы А набрали меньше баллов, чем представительницы группы В (группа А:48; группа В: 52). Исходя из этого, можно предположить, что девочки из группы А имеют тенденции неприятия женской социальной роли.

Следующим этапом нашего исследования стал статистический анализ показателей коэффициентов корреляции Спирмена, определяющий, есть ли связь между данными параметрами или нет.

В группе А выявлены положительные корреляционные взаимосвязи между показателями стресса и шкалами «Враждебность», «Личностная тревожность», «Волевой контроль эмоциональных реакций»; между шкалами «Физическая агрессия» и «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению», «Волевой контроль эмоциональных реакций»; между шкалами «Ситуативная тревожность» и «Самооценка», «Алекситимия»; между шкалами «Личностная тревожность» и «Самооценка», «Волевой контроль эмоциональных реакций» и «Алекситимия» (0.01**).

В группе В выявлены положительные корреляционные взаимосвязи между показателями стресса и шкалами «Гнев», «Ситуативная тревожность», «Личностная тревожность», «Волевой контроль эмоциональных реакций»; между шкалами «Гнев» и «Склонность к агрессии и насилию»; между шкалами «Враждебность» и «Ситуативная тревожность», «Личностная тревожность», «Самооценка» (отрицательная корреляция); между «Ситуативной тревожностью» и «Самооценкой» (отрицательная корреляция), «Волевым контролем эмоциональных реакций» и «Алекситимией»; между «Личностной тревожностью» и «Самооценкой» (отрицательная корреляция) и «Алекситимией» на уровне значимости 0.01*. Взаимосвязи указывают на то, что с повышением степени подверженности стрессу, тревожность, агрессивность и другие показатели возрастают; у подростков повышается степень враждебного отношения к окружающим и уровень склонности к возникновению каких-либо отклонений в состоянии угрозы, стресса и других неблагоприятных для их психического и физического здоровья ситуациях.

Анализируя данные, полученные в ходе исследования, можно сделать выводы о том, что:

- 32 % подростков в возрасте 12-16 лет испытывают головные боли, 24% — умеренную или выраженную головную боль, а у 44 % головная боль отсутствует, или слабо выражена. Причиной головных болей могут быть гормональные изменения, повышенная утомляемость, спазмы и сужение сосудов головного мозга, напряжение мышц черепа и т. д.
- Девочки в 2 раза чаще испытывают головные боли по сравнению с мальчиками. Причиной может быть гормональная перестройка организма и изменение тонуса сосудов головного мозга или организма в целом.
- Подростки, испытывающие сильные головные боли, более предрасположены к преодолению каких-либо норм и правил, склонны к отрицанию общепринятых норм и ценностей, образцов поведения; так же у них существует «деликвентный потенциал».

- Подростки, не испытывающие или имеющие умеренные головные боли, более стрессоустойчивы, следовательно, более спокойны и адаптивны в стрессовой ситуации.

- Подростки, головные боли у которых отсутствуют или умеренны, менее вспыльчивы и конфликтны, более раскрыты для общения и контактов с другими людьми, чем их сверстники, испытывающие сильные головные боли.

- Подростки, испытывающие сильные головные боли, чаще будут воспринимать широкий круг ситуаций как угрожающие, реагировать на них состоянием тревоги. Они будут напряжены, беспокойны, нервозны.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют заключить, что подросткам с различной степенью головной боли присущи специфические проблемы и личностные особенности, оказывающие влияние на их поведение и эмоционально-волевую сферу.

Виктимность сотрудников правоохранительных органов

*Шестакова Д.И., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва*

Научный руководитель – Н.В. Богданович

Актуальность изучения виктимности сотрудников правоохранительных органов определяется тем, что их служебная деятельность носит экстремальный характер. Поэтому нам требуется выявить компоненты виктимности сотрудников правоохранительных органов, которые препятствуют эффективной деятельности в экстремальных ситуациях.

Проблему виктимности сотрудников правоохранительных органов в своей работе «Психологические пути снижения виктимности сотрудников органов внутренних дел» рассмотрел Папкин А.В. (2004). Виктимность – повышенная способность стать жертвой или потерпевшим от преступления.

Предмет нашего исследования – виктимность сотрудников правоохранительных органов.

Цель исследования – определение связи виктимного опыта и личностных особенностей, которые образуют виктимность личности сотрудников правоохранительных органов.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- проанализировать основные теоретические подходы к понятию виктимности и выделить основные критерии ее определения;
- выделить специфику деятельности сотрудников правоохранительных органов;
- раскрыть понятие личной безопасности сотрудников правоохранительных органов;

- выявить личностные компоненты виктимности сотрудников правоохранительных органов, повлиявшие на реализацию виктимного опыта.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия в личностной сфере у сотрудников правоохранительных органов с виктимным опытом, и у сотрудников правоохранительных органов без виктимного опыта:

- данные различия проявляются в индивидуально-психологических характеристиках;

- данные различия проявляются в ценностно-смысловой сфере;

2. У сотрудников правоохранительных органов с виктимным опытом обнаруживается синдром эмоционального выгорания.

Методы и методики исследования – в исследовании используются 16-факторный опросник Кеттелла; тест смысложизненных ориентаций в адаптации Д.А. Леонтьева; методика диагностики уровня профессионального выгорания Бойко. Обработка эмпирических данных осуществлена посредством программы IBM SPSS Statistics 19.

В исследовании приняли участие 60 сотрудников ОВД, возраст от 20 до 45 лет. Из них: 20 сотрудников (экспериментальная группа), подвергшихся нападениям во время исполнения служебных обязанностей; 40 сотрудников (контрольная группа), не подвергавшихся нападениям ни в рабочее, ни в свободное от работы время.

Анализ полученных результатов позволил сделать нам следующие выводы:

Виктимный опыт сотрудников правоохранительных органов стал для них травматичным. Группа сотрудников с виктимным опытом не приняла его как нечто ситуативное. Данный виктимный опыт имел для них определенные психологические последствия, выраженные в состоянии эмоционального выгорания. Также он был рассмотрен сотрудниками через некий набор личностных характеристик, повлиявших на реализацию виктимности. Виктимные сотрудники имеют несколько иные личностные характеристики в

отличие от благополучных в контексте виктимности сотрудников. Они менее эмоционально устойчивы, менее дисциплинированы и ответственны. Социально неточны, избирательно относятся к групповым и социальным требованиям, редко обращают внимание на поведение окружающих их людей. Потребностная сфера преобладает над ценностной, это прослеживается в привычке действовать правильно исходя из собственных интересов. Мышление виктимной группы недостаточно гибкое – данные сотрудники более склонны к практическому мышлению, нежели к аналитическому (как это проявилось в контрольной группе). Все вышеперечисленные качества препятствуют эффективному поведению в экстремальной ситуации, возможно поэтому сотрудники экспериментальной группы реализовали свою виктимность.

Стоит отметить такие качества виктимных сотрудников, как склонность к агрессивному поведению, бестактность, гиперобщительность, низкий уровень эмпатии – данные личностные качества могут побудить обидчика к противоправным действиям.

Нарушений смысловой сферы в обеих группах не выявлено. Возможно, это связано с тем, что сотрудники ОВД – зрелые и сформировавшиеся люди, установившие значимые личные и социальные связи, закрепившиеся в общественно-полезной деятельности. Но если индивидуально-психологические качества контрольной группы могут свидетельствовать о влиянии профессии на формирование смысловой сферы, то в экспериментальной группе сформированные смыслы, скорее всего, связаны с благополучием в личной жизни.

Также мы выявили различия между группами по степени эмоционального выгорания. У виктимных сотрудников, в отличие от благополучных сотрудников, обнаруживается синдром эмоционального выгорания. Они находятся на последней стадии выгорания – в фазе истощения. Сложно говорить, повлиял ли СЭВ на виктимность или реализованная виктимность стала неким началом отсчета развития СЭВ. Но

по методике Бойко мы выявили, что точкой отсчета выгорания стали психотравмирующие обстоятельства, к которым мы можем отнести и ситуации получения травм во время исполнения служебных обязанностей. То есть реализованная виктимность экспериментальной группы усугубила эмоциональное выгорание в профессии.

Психологические факторы принятия решений у специалистов судебно-психиатрического профиля

Шеховцова Е.С., студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – В.Г. Булыгина

Необходимость изучения особенностей принятия решений, а также факторов, влияющих на процесс осуществления выбора, обусловлена практическими задачами системы исполнения принудительных мер медицинского характера и повышения точности оценки риска совершения повторных общественно опасных деяний, т.е. повышения эффективности вторичной профилактики.

Актуальность исследования психологических факторов принятия решений заключается в том, что выбор является неотъемлемой частью профессиональной деятельности специалистов в сфере принудительных мер медицинского характера. Исследования показывают, что в первые три года после выписки повторные правонарушения совершают примерно 30% больных шизофренией, прошедших принудительное лечение, причем 6,4% из них совершают повторные деяния менее чем через год после завершения лечения (Асадулаева С.М., 2005; Макушина О.А., 2015).

Эмпирическое исследование психологических факторов принятия решений у специалистов судебно-психиатрического профиля, работающих в сфере исполнения принудительных мер медицинского характера (10 медицинских психологов и 10 врачей-психиатров, в возрасте от 24 до 55 лет), и лиц условной нормы (специалисты, работающие в сфере образования (4 человека), сфере производства и услуг (11 человек) и технической сфере (10 человек) возрасте от 26 до 39 лет) было проведено с использованием следующих методик: Опросник интуитивного стиля Эпстайна (апробация Корниловой Т.В., Корнилова С.А.), Новый опросник толерантности-

интолерантности к неопределенности (апробация Корниловой Т.В.), Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация Т.В. Корниловой, Опросник «Личностные факторы принятия решений» Т.В. Корниловой, Методика В. Смекала и М. Кучера (изучение направленности личности), Методика Р. Цветковой (изучение мотивационной сферы личности), Методика «Цель-Средство-Результат» А.А. Карманова, Опросник «Стили мышления» Р. Брэмсона и А Харрисона (адаптация А.А Алексеева), Опросник «Шкала базисных убеждений» Ронни Янов-Бульман (адаптация М.А. Падун и А.В. Котельникова), Анкета, нацеленная на выявление особенностей решений, принимаемых специалистом в профессиональной деятельности, , субъективной оценки необходимых для принятия решения качеств.

В результате исследования были выделены следующие психологические компоненты принятия решений у специалистов судебно-психиатрического профиля: большая выраженность прагматического стиля мышления и межличностная интолерантность к неопределенности.

Для врачей-психиатров выявлено преобладание синтетического стиля мышления и эмоционально-волевая регуляция деятельности. Для медицинских психологов в большей степени характерны интолерантность к неопределенности, межличностная интолерантность к неопределенности и аналитический стиль мышления.

Влияние возрастного фактора на особенности принятия решений заключается в том, что у специалистов судебно-психиатрического профиля более старшего возраста преобладает независимость в выборе от окружающих и снижена готовность к риску.

Выявленные взаимосвязи психологических компонентов принятия решений позволяют объединить характеризующие принятие решений признаки в комплексы:

- рациональное ПР (стратегия ПР – бдительность, рациональность, эмоционально-волевая регуляция деятельности, самосознание и рефлексия,

высокая потребность в знаниях, мотивационно-ценностные отношения, активная самостоятельность, направленность и установки);

- импульсивное ПР (стратегия ПР – избегание, стратегия ПР – прокрастинация, стратегия ПР – сверхбдительность, интолерантность к неопределенности, низкая потребность в знаниях, базовое убеждение «Доброжелательность окружающего мира»);

- интуитивное ПР (стратегия ПР – избегание, интуитивная способность, использование интуиции, толерантность к неопределенности, готовность к риску, низкая потребность в знаниях, идеалистический стиль мышления, базовые убеждения «Удача» и «Убеждения о контроле»).

Зависимость особенностей принятия решений выражается в том, что мужчины рассматривают различные альтернативы при принятии решений, в большей степени испытывают высокую потребность в знаниях, отмечается спонтанность поведения, независимость от окружающих и готовность к риску. Для женщин характерен реалистический стиль мышления и межличностная интолерантность к неопределенности.

Были установлены взаимосвязи предпочтения качеств, необходимых для принятия решений и рода деятельности: для специалистов, работающих в сфере принудительных мер медицинского характера значимыми является руководство здравым смыслом, эмоционально-волевая устойчивость, решительность, самокритичность. Для специалистов контрольной группы субъективно значимыми являются тщательность действий, терпеливость, аккуратность, гибкость реагирования, умение планировать свое время, целеустремленность.

В деятельности специалистов, работающих в системе применения мер медицинского характера, преобладают решения по защите и охране прав личности, общества и государства, правоприменительные и кадровые решения, которые являются как разнотипными, так и одинаковыми. Часто принимаются уникальные и нестандартные решения. Данные решения носят категоричный и отложенный характер. В ситуации принятия решения

присутствует одна цель и один критерий, решения являются нетрудоемкими, носят стратегический и частных характер. Методы, которыми пользуются специалисты, являются формализованными и экспертными. Характерно оценивание принятых решений как неэффективных. Решения принимаются единолично, носят рискованный и импульсивных характер. Данные решения являются неосознанными или малоосознанными. В деятельности специалистов, входящих в контрольную группу, преобладает принятие решений по текущим задачам, обусловленное ситуацией. Характерно наличие большого количества организационных и плановых решений. Решения носят уравнивающий и осознанный характер.

Можно выделить следующие перспективы проведения дальнейших исследований. Существует необходимость разработки программы повышения эффективности вторичной профилактики с учетом психологических компонентов принятия решений, характеристик самого решения, гендерных и возрастных особенностей специалистов, работающих в сфере принудительных мер медицинского характера. Также существует необходимость дополнительного исследования особенностей совместного принятия решений врачом-психиатром и медицинским психологом.

Список использованной литературы:

1. Асадулаева, С.М. Катамнез больных шизофренией после прекращения принудительного лечения : автореф. дис. ... канд. мед. наук. / С.М. Асадулаева. – Москва : Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского МЗ РФ, 2005. – 24 с.
2. Макушина, О.А. Система профилактики общественной опасности психически больных в России в 2006–2013гг. (динамика показателей и анализ эффективности) : аналитический обзор / О.А. Макушкина, В.П. Котов, М.М. Мальцева. – Москва: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П.Сербского» Минздрава России, 2015. – 192 с.

Психологические механизмы реализации аномального сексуального поведения у лиц с педофилией

*Юшина Н.Н., студентка Московского государственного
психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – Н.В. Дворянчиков*

Педофилия – это сексуальное отклонение, которое проявляется в стремлении совершать сексуальные действия с детьми. Для педофилов детское тело является сексуальным стимулом в независимости от возраста и пола ребенка (Старович З., 1991). Существует ряд классификаций, которые позволяют описать различные виды педофилии в зависимости от пола, возраста жертвы, устойчивости сексуального влечения исключительно по отношению к детям. Но только этим определением критериев сексуального предпочтения не исчерпывается. Особое значение также имеют зрительные, аудиальные и тактильные стимулы (Чуприков А.П., Цупрык Б.М., 2002). Описывая механизмы формирования педофилии, наибольшее внимание уделяется вопросам, связанным с нарушением психосексуального развития, теории импринтинга, а также микросоциальной среде.

Сложно говорить о том, для какого количества людей сексуально привлекательным объектом является ребенок. Есть люди, имеющие педофильные фантазии, но их реализация необязательна, т.е. не является неотъемлемой частью их жизни (HALL R., HALL R., 2007). В данном же исследовании интерес представляют люди, уже совершившие педофильные действия, и особая роль отводится тем механизмам, благодаря которым педофил может реализовать сексуальное поведение. Изучение этих механизмов позволяет подойти к вопросу описания восприятия объекта сексуального предпочтения, что является значимым при решении экспертных вопросов.

Были изучены данные НЭПИ (направленное экспериментально-психологическое исследование) и комплексной стационарной судебной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы при исследовании лиц с педофилией.

Целью работы является исследование психологических механизмов реализации аномального сексуального поведения у лиц с педофилией.

Гипотезы:

- Из группы подэкспертных с недифференцированным образом сексуально привлекательного объекта, доля лиц, для которых сексуально привлекательным является образ ребенка, больше, чем в группе, где образ является дифференцированным.

- Для подэкспертных «образ ребенка» не обязательно должен быть сексуально привлекательным.

- У группы подэкспертных, у которой присутствует связь между «образом Я» и «образом ребенка», доля лиц, для которых «образ ребенка» является сексуально привлекательным, больше, чем в группе, где данная связь отсутствует.

Объект исследования представлен двумя группами:

К первой группе относится 27 подэкспертных в возрасте от 19 до 62 лет, проходивших комплексную стационарную сексолого-психолого-психиатрическую экспертизу в «Федеральном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации. У данных подэкспертных обнаруживается расстройство сексуального предпочтения в виде педофилии. Анализировались результаты НЭПИ.

Ко второй группе относится 27 мужчин в возрасте от 25 до 45 лет, представляющих группу статистической нормы. Были использованы методики «МиФ» (Маскулинность и Фемининность), «ЦТО» (цветовой тест отношений) и «Кодирование» (модифицированный вариант «проективного перечня» З. Старовича).

Полученные данные обрабатывались с помощью статистического анализа. Были использованы критерий Манна-Уитни и критерий Фишера. Обработка данных производилась при помощи программы SPSS 17.0. Результат оценивался по уровню значимости $p \leq 0,05$.

Выводы

Наиболее часто «образ Я» подэкспертные склонны описывать положительно, как и «образ мужчины». Важно отметить более высокий показатель феминности в обоих образах, чем у группы нормы. «Образ Я-идеал» характеризуется также более высоким показателем феминности.

- Близость «образа Я» и «образа женщины» свидетельствует идентификации подэкспертных с женскими полоролевыми стереотипами поведения. Близость образов «Я-идеальное» и «образа мужчины» свидетельствует о значимости для подэкспертных образа мужчины.

- Для большинства подэкспертных сексуально привлекательный образ недифференцирован. Их могут привлекать, как образ мужчины, так и женщины, и ребенка обоих полов.

- «Образ ребенка» носит в большей степени фемининный характер. У подэкспертных, для которых «образ ребенка» является сексуально привлекательным, показатель феминности «образа Я» выше, чем у тех подэкспертных, для которых «образ ребенка» не является сексуально привлекательным. При этом отмечается тенденция ставить в один ассоциативный ряд «образ ребенка» и «образ Я» и включать его в разряд сексуально привлекательных образов. У группы подэкспертных, у которой присутствует связь между «образом Я» и «образом ребенка», доля лиц, для которых «образ ребенка» является сексуально привлекательным, больше, чем в группе, где данная связь отсутствует.

Таким образом, полученные результаты позволяют описать следующие механизмы реализации аномального сексуального поведения:

Замещение. Речь идет о реализации сексуального влечения с ребенком, который сам по себе не представляет сексуального интереса, но становится актуальным объектом в случае отсутствия иного партнера.

Депрессонификация. Представляет собой обезличивание объекта, его недифференцированность восприятия. Возможна смена объектов влечения, с гетеропедофильный на гомо-. Интерес представляет детское тело, которое лишено очевидных признаков принадлежности к определенному полу. Таким образом, тело ребенка приобретает фетишистское значение.

Идентификация. Данный механизм позволяет педофилу реализовать свои потребности с ребенком, как с единственно доступным партнером. В данном исследовании наблюдается идентификация с женскими полоролевыми стереотипами поведения, при этом образ мужчины не теряет значимости. Следует говорить о том, что идентификация с ребенком позволяет сделать его доступным для педофила, путем сокращения реальной возрастной разницы.

Описание механизмов реализации аномального сексуального влечения позволяет говорить о причинах данного поведения и сформировать представления о видении объекта.

Список использованной литературы:

1. Старович, З. Судебная сексология / пер. с польск. / З. Старович. – Москва: Юридическая литература, 1991. – 336 с.
2. Чуприков, А.П. Общая и криминальная сексология: Учеб. пособие. / А.П. Чуприков, Б.М. Цупрык. – Киев: МАУП, 2002. – 248 с.
3. HALL, R. A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues. / R. HALL, R. HALL. – 2007. – Апрель [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://www.abusewatch.net/pedophiles.pdf> (дата обращения: 25.02.2016).

Особенности проявления личностной беспомощности у осужденных с различным социально-психологическим статусом, отбывающих наказание в исправительном учреждении

Яшмолкина П.С., студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва

Научный руководитель – М.Г. Дебольский

В соответствии с уголовным законодательством основными целями наказания являются: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (УК РФ, ст. 43). Однако реализация данных целей весьма проблематична. По официальным статистическим данным ФСИН России в местах лишения свободы содержится более 50% осужденных совершивших преступления два и более раз (по состоянию на 1 апреля 2016 г. их количество составляло 333 772 человек).

Одной из причин, препятствующих исправлению осужденных и способствующих рецидиву, являются их личностные свойства, затрудняющие процесс адаптации к жизни на свободе. В соответствии с выдвинутой нами гипотезой интегральным свойством, затрудняющим адаптацию осужденных в исправительном учреждении и к жизни на свободе, является *личностная беспомощность*.

Теоретической основой исследования послужили работы зарубежных (М. Селигман, Х. Хекхаузен, Р. Комер, Л. Абрамсон и др.), и отечественных авторов (И.А. Батулин, Д.А., Циринг, Т.О. Гордеева, Е.В. Забелина, Е.И. Рассказова и др.). Личностная беспомощность – это системное качество субъекта, обусловленное симптомокомплексом определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой семейных взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющее низкий уровень

субъектности, т.е. низкую способность индивида преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить цели и достигать их, преодолевая различного рода трудности.

Важной теоретической предпосылкой исследования также является деятельностный подход (А.Н. Леонтьев), так как личностная беспомощность как устойчивая характеристика личности ведет к нарушению планирования или выполнения деятельности в силу того, что индивид не в силах справиться с различного рода трудностями. Данные трудности ведут к уменьшению попыток активного вмешательства в рабочий процесс или ситуацию, что препятствует должному выполнению той или иной деятельности, а в контексте пенитенциарной системы способствует низкому социально-психологическому статусу осужденных, определенному давлению на них со стороны других категорий правонарушителей, а порой пренебрежительному отношению и сотрудников колонии.

При изучении личности и социальной среды осужденных, мы также основываемся на работах специалистов по пенитенциарной психологии (Ю.А. Дмитриев, Б.Б. Казак, И.П. Башкатов, М.Г. Дебольский, В.М. Поздняков, Д.В. Сочивко, А.И. Ушатиков и др.).

Личностная беспомощность имеет взаимосвязанную четырехкомпонентную структуру: когнитивный, мотивационный, эмоциональный и волевой компоненты. Когнитивный компонент представляет собой пессимистический атрибутивный стиль и низкий уровень креативности и, как следствие, затруднения достойно выйти из критической и проблемной ситуации. Мотивационный компонент характеризуется невозможностью вмешаться в ситуацию для ее разрешения. Эмоциональный компонент личностной беспомощности представляет совокупность следующих характеристик: обособленность от группы, замкнутость, ранимость, неуверенность в себе, ригидность, склонность к чувству вины, чрезмерная тревожность, депрессивность, фрустрированность, низкий уровень самоконтроля. Волевой компонент характеризуется

нерешительностью, безынициативностью, неорганизованностью, недостаточной выдержкой и настойчивости.

Исследование проводилось на базе исправительной колонии общего режима №6 УФСИН России по Московской области. Выборку составили 44 осужденных мужского пола в возрасте от 20 до 51 года.

При отборе осужденных для проведения исследования учитывался фактор неформальной групповой дифференциации заключенных, а именно, выборку составили осужденные, имеющие в тюремной иерархии низкий социально-психологический статус (так называемые «пренебрегаемые», «обиженные», «отверженные») и средний социально-психологический статус («мужики»). При определении социально-психологического статуса осужденных использовались эксперты (психолог учреждения и начальник отряда).

Осужденные, имеющие в тюремной иерархии низкий социально-психологический статус, это лица, являющиеся объектами притеснения со стороны других осужденных, существенно ограниченные в возможностях реализации своих прав и законных интересов и как граждан и как осужденных.

Поведение осужденных со средним социально-психологическим статусом отличается непоследовательностью; принятые ими неофициальные нормы криминальной субкультуры носят двойственный характер: с одной стороны, они выполняют требования администрации, не нарушают режим отбывания наказания, добросовестно относятся к труду, стремятся к условно-досрочному освобождению, с другой – открыто не осуждают поведение нарушителей режима, уклоняются от прямой поддержки администрации и актива учреждения.

В соответствии с выдвинутой гипотезой в группе осужденных с низким социально-психологическим статусом в отличие от группы со средним социально-психологическим статусом преобладают лица с личностной беспомощностью.

Для проверки гипотезы были использованы следующие психологические методики: личностный опросник Мини-мульти (сокращенных вариант миннесотского многомерного личностного перечня MMPI), индивидуально-типологический опросник (Л.Н. Собчик), опросник суицидального риска(модификация Т.Н. Разуваевой).

Гипотеза исследования нашла свое подтверждение: в структуре личности осужденных с низким социально-психологическим статусом в действительности была выявлена личностная беспомощность.

На основании анализа полученных результатов, был выделен ряд особенностей проявления личностной беспомощности у осужденных с низким социально-психологическим статусом. Такие осужденные характеризуются замкнутостью, малообщительностью, отчужденностью от окружающего мира, который воспринимают как опасный и неблагоприятный. Им свойственна заниженная самооценка, неуверенность в себе и собственной компетенции, тревожность, боязливость. В ситуации стресса или фрустрации склонны реагировать по интрапунитивному типу – недовольством, гневом, направленным на самого себя, при этом склонны к импульсивным, необдуманным действиям.

Осужденные со средним социально-психологическим статусом, в структуре личности которых не была обнаружена беспомощность, характеризуются общительностью, стремлением к расширению круга знакомств. Относительно собственных суждений и моделей поведения ригидны, отмечается повышенное стремление к отстаиванию своих взглядов и принципов, критичность в отношении иных мнений. В ситуации фрустрации им характерны реакции по экстрапунитивному типу – тенденции, характеризующиеся внешней направленностью, вымещением негативных эмоций на других. Собственное мнение и правоту собственных действий склонны активно отстаивать, не пренебрегая агрессивными формами поведения.

Данная проблема требует дальнейшего изучения в сфере пенитенциарной психологии для более тщательного анализа особенностей проявления личностной беспомощности, определения мишеней воздействия с целью коррекции, уточнения уже существующих и возможности разработки новых методик и направлений работы с беспомощностью, а также для разработки методологического аппарата исследования.

Список использованной литературы:

1. Дмитриев Ю.А. Пенитенциарная психология / Ю.А. Дмитриев, Б.Б. Казак. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 681 с.
2. Статистические данные. Федеральная служба исполнения наказания. URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/statistics/>(дата обращения: 07.05. 2016).
3. Циринг Д. А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Академия, 2010. 410 с.

Информация о научных руководителях

Богданович Наталья Викторовна, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Бородина Любовь Георгиевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Булыгина Вера Геннадьевна, руководитель Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Дебольский Михаил Георгиевич, профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Делибалт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Калягин Юрий Сергеевич, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Козырева Ирина Евгеньевна, доцент кафедры криминалистики Башкирского Государственного Университета, кандидат юридических наук (Уфа)

Коноплева Инга Николаевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Луковцева Зоя Вячеславовна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Ошевский Дмитрий Станиславович, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Приктова Александра Сергеевна, преподаватель кафедры специальной и клинической психологии Челябинского государственного университета (Челябинск)

Ремеева Альфия Фаатовна, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Русаковская Ольга Алексеевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Терехина Светлана Алексеевна, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Сафуанов Фарит Суфиянович, руководитель лаборатории судебной психологии Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, заведующий кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук (Москва)

Яценко Татьяна Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии Барановичского Государственного Университета (г. Барановичи, Республика Беларусь)

СОДЕРЖАНИЕ

Алексюнайте Л.В. Особенности чувства вины у женщин, отбывающих наказание за преступления против жизни и здоровья	4
Алмаева Е.А. Особенности теста «DIT 2» для изучения ценностно-смысловой сферы и морального сознания подростков	7
Амелина Е.С. Особенности восприятия развода в родительской семье и отношение к родителям и к себе у девушек периода ранней взрослости	10
Афониная Ю.С. Факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами и методы их оценки	16
Бабина С.В. Возможности психологического воздействия при коррекции расстройств поведения у лиц с аномальным сексуальным влечением	21
Борисова Д.П. Эмпатические способности у сотрудников УИС, работающих в непосредственном контакте с осужденными и лицами, содержащимися под стражей	26
Брауде Е.В. К вопросу о пенитенциарной преступности	31
Волков Н.А. Особенности эмоционального интеллекта подростков с девиантным опытом	35
Гусева И.Д. К вопросу о нейропсихологическом анализе нарушений мышления в экспертно-реабилитационной практике	40
Данилова А.М. Личностные особенности девушек, склонных к виктимному поведению	46
Дятлова О.В. Индивидуально-психологические особенности личности и поведения насильственных преступников	50

Емелина А.О. Психологические особенности почерка девиантных подростков	55
Журавлева Е.В. Исследование особенностей родительского отношения у матерей, больных шизофренией, в зарубежной психологии	61
Зигуля К.Ю. Влияние криминальной субкультуры на несовершеннолетних	66
Кудравец В.В. Влияние телесного контакта на эмоциональную сферу человека	71
Левин Л.М., Бокова Н.В. Особенности воспоминаний дошкольного периода у несовершеннолетних, совершивших преступление группового характера и состоящих на учёте в уголовно-исполнительной инспекции	74
Летфуллина Х.Р. Об опыте построения рекомендаций по профилактике эмоциональной дезадаптации старшеклассников в период подготовки к ЕГЭ	77
Лушкевич Т.И. Гендерные различия в проявлении виктимности у подростков	83
Максимчук О.А. Возможности реконструкции личностных качеств преступника по аудиозаписи	88
Мельникова Д.В. Особенности оказания психологической помощи осужденным при пенитенциарном стрессе	92
Митькина М.Д. Особенности самоотношения сотрудников правоохранительных органов	97
Панкратова А.В. Нравственная надёжность профессионала (на примере юристов и психологов)	100
Пилипчук А.Н. Взаимосвязь ролевой виктимности и симптомов профессионального выгорания у педагогов сельских школ	102

Семенова Д.Н. Особенности принятия группового решения присяжными заседателями	106
Сиворонова Е.А. Особенности опознания подростков с расстройствами аутистического спектра	110
Смирнова Н.С. Психологический анализ воздействия, реализуемого тоталитарными сектами посредством сети интернет	115
Сорокина Ю.С. Проявление агрессии при разных уровнях когнитивного развития подростка	119
Филатова А.Н. Головные боли и девиантное поведение подростков	122
Шестакова Д.И. Виктимность сотрудников правоохранительных органов	127
Шеховцова Е.С. Психологические факторы принятия решений у специалистов судебно-психиатрического профиля	131
Юшина Н.Н. Психологические механизмы реализации аномального сексуального поведения у лиц с педофилией	135
Яшмолкина П.С. Особенности проявления личностной беспомощности у осужденных с различным социально- психологическим статусом, отбывающих наказание в исправительном учреждении	139

Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (25-30 мая 2016 года)

Редакционная коллегия:

В.В. Рубцов, Е.Н. Задорина, Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов, Н.В. Богданович, М.Г. Дебольский, И.Н. Коноплева.

Компьютерная верстка:

Подписано в печать: 26.05.2016.

Уч.-изд. л. 6.